

**НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**МАТЕРИАЛЫ
55-й МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

МНСК–2017

17–20 апреля 2017 г.

ФИЛОСОФИЯ

**Новосибирск
2017**

УДК 101.1
ББК 87.3я431

Материалы 55-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2017: Философия / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. – 82 с.

ISBN 978-5-4437-0639-9

Научный руководитель секции – д-р филос. наук, проф., директор
Института философии и права НГУ Диев В. С.

Председатель секции – д-р филос. наук, проф. Бессонов А. В.

Ответственные секретари секции – канд. филос. наук, доцент
Цыплаков Д. А., канд. филос. наук, доцент Борисов И. В.

Экспертный совет секции

д-р филос. наук, проф. Диев В. С.
д-р филос. наук, проф. Бессонов А. В.
д-р филос. наук, доцент Головкин Н. В.
канд. филос. наук, доцент Борисов И. В.
канд. филос. наук, доцент Петров В. В.
канд. филос. наук, доцент Цыплаков Д. А.

ISBN 978-5-4437-0639-9

© Новосибирский государственный
университет, 2017

**NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY
SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

**PROCEEDINGS
OF THE 55th INTERNATIONAL STUDENTS
SCIENTIFIC CONFERENCE**

ISSC-2017

April, 17–20, 2017

PHILOSOPHY

**Novosibirsk, Russian Federation
2017**

Proceedings of the 55th International Students Scientific Conference.
Philosophy / Novosibirsk State University. Novosibirsk, Russian Federation.
2017. 82 pp.

ISBN 978-5-4437-0639-9

Section scientific supervisor – Dr. Philos., Prof. Diev V. S.

Section head – Dr. Philos., Prof. Bessonov A. V.

Responsible secretaries – Cand. Philos., Assoc. Prof. Tsyplakov D. A., Cand.
Philos., Assoc. Prof. Borisov I. V.

Section scientific committee

Dr. Philos., Prof. Diev V. S.

Dr. Philos., Prof. Bessonov A. V.

Dr. Philos., Assoc. Prof. Golovko N. V.

Cand. Philos., Assoc. Prof. Borisov I. V.

Cand. Philos., Assoc. Prof. Petrov V. V.

Cand. Philos., Assoc. Prof. Tsyplakov D. A.

ISBN 978-5-4437-0639-9

© Novosibirsk State University,
2017

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 141.32 + 132.1

Становление концепций свободы и отчуждения в творчестве Ж.-П. Сартра

Евдокимова К. Н.

Новосибирский государственный университет

Проблема свободы – одна из центральных проблем в экзистенциализме, которая наиболее ярко представлена в трудах французского философа Ж.-П. Сартра. Философия Ж.-П. Сартра – это выражение его личной жизни (личные потрясения, метания между выбором в разных ситуациях, которые повлияли на написание многих трудов). Повествовать о проблеме свободы Сартр начинает именно в своих литературных трудах, а только потом уже в философских.

Особенное внимание в экзистенциализме Сартра уделяется субъективным переживаниям личностью того, что К. Маркс называл ее отчуждением от внешнего мира: чувство апатии, страха, одиночества, равнодушия, восприятия явлений действительности как противостоящих и враждебных ей [3]. Ж.-П. Сартр пытается придать отчуждению статус онтологической, соответственно, фундаментальной проблемы [3, 5].

Вклад Ж.-П. Сартра в решение этой проблемы может быть признан существенным. Она начинает привлекать Ж.-П. Сартра еще в самой первой и известной работе, которая не только закрепила за ним статус литератора, но и послужила началом всей его философской деятельности – в романе «Тошнота» (1938). Этот роман – не только сюжет об историке Антуане Рокантене, а цепочка экзистенциально-атеистических и абсурдных ситуаций и мыслей. В данном романе зарождаются первые версии таких определений как «бытие-в-себе» (*être-en-soi*), «бытие-для-себя» (*être-pour-soi*) и конечно же «бытие-для-других» (*être-pour-autrui*). Ж.-П. Сартр развивает эти темы не только в известном философском труде «Бытие и ничто» (1943), но и продолжает делать это в работах «Проблема метода» (1957) и «Критика диалектического разума» (1960, 1985) [1, 2].

В рамках увлечения марксизмом, Ж.-П. Сартр выделяет феномен отчуждения, что было предметом рассмотрения раннего К. Маркса («Экономическо-философские рукописи 1844 года»). Справедливо будет заметить, что еще задолго до увлечения марксизмом, Сартр в известной философской работе более раннего периода творчества «Бытие и ничто» (1943) совсем не использует термин отчуждения, но так или иначе говорит об отчуждении, что можно назвать своеобразной подготовкой для дальнейшей конкретизации

содержания данного понятия в его философских работах позднего периода [1, 2, 3].

1. Кузнецов В. Н. Жан-Поль Сартр и экзистенциализм. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. С. 285.

2. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. Серия: Философия. Neoclassic, М.: Издательство «АСТ», 2015. С. 928.

3. Сартр Ж.-П. Проблемы метода / Пер. с фр. В.П. Гайдамакова. Серия: Философские технологии, М.: Издательство «Академический проект», 2008. С. 222.

4. Фаркаш Л. Экзистенциализм, структурализм и фальсификация марксизма / Пер. с венгер. Е. Бочарниковой. Редакция литературы по философии, Серия «Критика буржуазной идеологии и ревизионизма», М.: Издательство «Прогресс», 1977. С. 272.

5. Sartre J.-P. Critique of Dialectical Reason, Vol 1: Theory of Practical Ensembles (Critique de la Raison dialectique 1) / Fredric Jameson (Foreword), Alan Sheridan-Smith (Translator). Verso, London – New York, 2004. p. 864.

Научный руководитель – д-р филос. наук, проф. Горан В. П.

Роль личности в истории: концепция А. В. Сухова-Кобылина

Егорова О. С.

Новосибирский государственный университет

Осмысление роли отдельных личностей в историческом процессе является важным моментом развития философского мировоззрения А. В. Сухова-Кобылина. Отчасти он ориентируется на гегелевскую интерпретацию роли личности в истории, изложенную на страницах «Философии истории». Согласно Гегелю, мировым процессом руководит дух, который для реализации собственной цели направляет действия людей, сводя роль личностей к тому, чтобы они были его «доверенными лицами» [1, с. 30]. Немецкий мыслитель не отрицает факт влияния отдельных личностей на ход истории, но сводит это влияние к минимуму.

В концепции Сухова-Кобылина выдающиеся личности также являются выразителями воли мирового духа, который ведёт их к своей цели. Однако, в отличие от Гегеля, Сухово-Кобылин полагал, что все значимые события – «реформы человечества», оказавшие влияние на ход исторического процесса, всегда «совершались не единицами, а парами гениальных личностей» [2, с. 57]. Под личностями - избранниками мирового духа он подразумевал людей умственного труда: «всякая капитальная... реформа, т. е. всякий всемирно-исторический двиг... потребовал пару гениев, мыслителей» [2, с. 56]. Каждая эпоха в жизни человечества знаменуется появлением пары противоположных личностей, – «мыслителя-эмпирика и мыслителя-идеалиста» [2, с. 57], которые, часто не зная друг друга и занимаясь различными видами деятельности, осуществляют перемены всемирно-исторического масштаба.

В истории человечества Сухово-Кобылин выделяет четыре подобных реформы. Первая свершилась в эпоху античности, когда «идеалист Платон» и «эмпирик Аристотель» «создали *логику*», и тем самым дали человечеству «мир чистых сущностей, идей или категорий» [2, с. 55, 58]. Эта реформа античного мира, значение которой Сухово-Кобылин сравнивает с открытием Америки Колумбом [3, с. 317], стала отправной точкой, изменившей человеческое сознание и знаменовавшей собой переход античного «чувственного мира» в средневековый «рассудочный» мир [2, с. 58].

Вторая реформа, результатом которой стало «исхождение» человечества «из грубой... рассудочной средневековой формы» [2, с. 59] свершились в эпоху Реформации. Ведомые «с двух концов божественным духом или разумом мира» «идеалист Лютер» и «эмпирик Коперник» совершили «реформу сознания», создав «сферу *самосознания* или духа» [2, с. 57], суть которой заключалась в упразднении геоцентрического

созерцания мира. До этого, согласно средневековым представлениям, Земля была неподвижным центром Вселенной, «около которого вращалась вся твердь небесная... наличествовал верх и низ... Верх было небо, а низ была Земля...» [2, с. 54]. Небо, являвшееся «местопребыванием земных богов» [2, с. 59] и всё, что находилось за его пределами, являлось недостижимым для человека, мир мыслился конечным, ограниченными пределами нашей планеты. По мнению Сухова-Кобылина, преодоление этой замкнутости стало плодом совместных трудов Коперника и Лютера.

Первый, открыв движение Земли вокруг своей оси, уничтожил средневековые представления о наличии в мире верха, т.е. «неба» с его богами и низа, т.е. «преисподней» [2, с. 54]. Разрушив пространственное небо, Коперник открыл дорогу Лютеру, который «проповедовал истинное, т.е. уже не протяженное, а точечное, т.е. духовное место-пребывание Бога» [2, с. 59]. Русский мыслитель видит главную заслугу Лютера в переходе к гелиоцентрическому созерцанию мира, низведению Бога с небес в центр человеческого духа.

Деятельность Лютера и Коперника привела к изменению представлений о Вселенной, к дальнейшему расширению известного человечеству пространства, в котором «земной шар стал земным шариком, земное, т.е. теллурическое человечество, стало неземной точкой Вселенной, а земные наши события свой вселенский характер устранили» [2, с. 54-55]. Для Сухова-Кобылина как для философа-космиста данная реформа имела важнейшее значение.

Третьей была «реформа математики», заключающаяся в «создании сферы *нуля*» [2, с. 57]. Она была свершена на пороге Нового времени парой «исчислителей» – «идеалистом Лейбницем» и «эмпириком Ньютоном» [2, с. 55].

Последней стала «реформа философии», ознаменовавшаяся созданием учений о «*перевале из природы в дух* и, следовательно, *циклования Бога*», свершенная «парою интеллигентов» - «идеалистом Гегелем» и «эмпириком Дарвином» [2, с. 57-58]. Их системы послужили основой новой философии человеческого развития, разработке которой посвящены философские труды Сухова-Кобылина.

1. Гегель Г. В. Ф. Философия истории / пер. А. М. Водена // Гегель Г. В. Ф. Сочинения: В 14 т. М. – Л.: Соцэкгиз, 1935. Т. VIII. 470 с.

2. Сухово-Кобылин А. В. Учение Всемир: инженерно-философские озарения. М.: С.Е.Т., 1995. 120 с.

3. Пенская Е. Н. Проблемы альтернативных путей в русской литературе: А. К Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. В. Сухово-Кобылин: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 410 с. Режим доступа: <http://elibrary.rsl.ru>.

Проблема времени в «Логике смысла» Жюлья Делеза

Никишаева И. О.

Томский государственный университет

Проблема времени занимает значительное место в «Логике смысла». Время предстает перед нами как особая сущность, данная во взаимосвязи с другими ключевыми узлами онтологии Делеза. Взаимосвязи, подобные этой, обеспечивают создание Делезом нетривиальной пластичной картины смысла, его структуры и способа существования.

Выделив для описания из конституирующих понятий понятие времени, все же нельзя оставить его самим по себе, независимым, оторванным от всего остального потока сущностей. Природа времени проникает в другие понятия, как и природа других понятий оставляет след в прочтении времени. Кроме того, понятия, какими их создал Делез в «Логике смысла» трудно фиксируемы, едва ли уловимы в своей однозначности, они попеременно сливаются и разделяются в едином потоке становления.

Впервые вопроса о природе времени Делез касается во второй серии парадоксов, обращаясь к стоикам и их различению типов вещей [1. С. 14]. Здесь, говоря о бестелесных эффектах (эффектах-событиях), философ первый раз говорит об Эоне как времени, что бесконечно делит себя на прошлое и будущее.

Позже еще подробнее Делез рассматривает проблему времени после введения основных структурных моментов и постановки и обоснования проблемы смысла в десятой серии «Логике смысла» с подзаголовком «идеальная игра» [1. С. 86]. Здесь, воображая вместе с Кэрроллом и Борхесом идеальную мысленную игру, не имеющую связи с реальным и требующую от правил только их отсутствия, Делез приходит к потребности разрешить фундаментальный вопрос о том, каким должно быть время такой игры. Та игра, что не требует правил, но должна быть сыграна, нуждается в бесконечном количестве ходов и жеребьевок, способов действия. Разветвляясь в такой игре, время становится бесконечно делимым, в котором каждый момент расходуется заново. Такое время есть Эон. В этой и нескольких следующих сериях Делез развивает противопоставление Эона и Хроноса. В Эоне «прошлое и будущее делят каждый момент настоящего» [1. С. 216], в Хроносе одно лишь настоящее существует, смешивая в себе прошлое и будущее.

Эон – это время события Делеза, время поверхности, принадлежащей бестелесным эффектам. Хронос – это время тел. Закономерно задать вопрос: что дает Делезу подробное рассмотрение природы времени? Как время связано с основной проблемой в заголовке книги?

Первое, о чем можно сказать, отвечая на вопрос выше, – это связь события как бестелесного эффекта поверхности и языка. Делез полагает, что именно возникновение события делает возможным язык. Событие, воплощаясь в телах, в некотором смысле являясь результатом действий тел, все же свободно от телесного и есть логический атрибут. Бестелесные эффекты, по мнению Делеза, – это то, что делает язык не только шумом тел: «именно этот мир освобождает звуки от того, чтобы они выступали лишь как простое состояние телесных действий и страданий» [1. С. 218]. Событие делает язык, в котором выстраиваются связи и выражения, в котором появляется возможность обладать смыслом.

Второе – это то, что Эон является вместилищем событий. Эон – это время-поверхность, «чистая пустая форма времени, освободившаяся от своего телесного содержания настоящего» [1. С. 217]. *Именно такое время по своей природе сливается с бестелесным эффектом.*

И третье. Событие принадлежит Эону и делает возможным язык. Именно на поверхности времени Эона существуют события, позволяющие языку быть. Линия Эона делит и одновременно с тем соединяет положения вещей и предложения языка. Связанные друг с другом положения вещей и предложения языка одновременно реализуются на этой линии в качестве события и смысла.

1. Делез Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Я. И. Свирского. М., 2015. 472 с.

Научный руководитель – канд. филос. наук, доцент Осаченко Ю. С.

Экзистенциализм Николо Аббаньяно

Панасенко М. Ю.

Новосибирский государственный университет

Цель работы – показать специфику экзистенциализма Николо Аббаньяно с помощью сравнения его установок с положениями двух других экзистенциалистских направлений – религиозным и атеистическим, осуществить критическую оценку его философской системы.

Свою концепцию итальянский философ Николо Аббаньяно строит на основе полемики со своими современниками. Интерпретируя других представителей экзистенциалистского направления, он критикует их позиции, и создает «третью ветвь» в экзистенциализме, часто называемую в литературе «позитивной». Согласно Аббаньяно, представители религиозного и атеистического направлений в экзистенциализме сводят экзистенцию к «невозможности», и, следовательно, отрицают ее «проблематичность», с помощью которой экзистенция формируется посредством конкретных возможностей. Аббаньяно ставит экзистенцию на основу возможности отношения с бытием, в результате чего она находит в себе самой позитивный и самодостаточный смысл. Реализуясь на этой основе, экзистенция не отрицает, а утверждает себя именно в своей изначальной природе – в фундаментальной проблематичности, потому что вся жизнь человека, по мысли итальянского философа, основана на «может быть», его существование неустойчиво и проблематично.

Аббаньяно появился на философской арене как раз в очень непростое и смутное время хаоса и опасных умонастроений, что он, безусловно, осознавал, и, на мой взгляд, это сыграло в его пользу и придало еще большую ценность его философской системе и взглядам. Италия в то время находилась в столкновении двух идеологий: с одной стороны, это был гитеровский культ государства; а с другой – диалектический материализм с марксистско-ленинской утопией. Аббаньяно, будучи противником фашизма, наблюдал эту ситуацию и страдал от такого развития событий. Он чувствовал себя в силу своих убеждений в изоляции, но одновременно вовлеченным в драму своей страны. И понимал, что должен не думать о бессилии и поражении, а бороться против всякой идеологии, уничтожающей свободный выбор индивидов.

Достоинство позиции Аббаньяно состоит также в том, что он разрешил проблему равнозначности возможностей, возникшую в концепциях других экзистенциалистов. Аббаньяно сделал это, выделив одну возможность

среди других, как основывающую и оправдывающую остальные, предложив при этом сохранять ее в проблематичной позитивно-негативной форме, не превращая ни в невозможность, ни в потенциальность. И он обозначил для этой трансцендентальной возможности новый критерий выбора. Выделение такой возможности, на мой взгляд, так же позволяет в определенной мере решить кажущееся внутреннее противоречие, возникшее в концепции итальянского философа. Эта проблема заключается в том, что с одной стороны, Аббаньяно заявляет, что он всегда стремился создать систему философии, учитывающую конечность человека, не впадая при этом в релятивизм. Но в то же время, в критических источниках указывается, и к этому выводу можно прийти в результате непосредственного ознакомления с текстами Аббаньяно, его концепция основана на свободе. «Конструкция» в виде основывающей и оправдывающей остальные выборы трансцендентальной возможности, находящейся на вершине выстроенной иерархии возможностей в его системе и сохраняющей себя в двойной позитивно-негативной форме, позволяет сохранить свободу действий человека, в то же время уводя концепцию от релятивизма и устанавливая для человека некое «руководство к действию», ориентир в деятельности.

Противопоставляя себя неогегельянцам, он также, как и большинство других экзистенциалистов признает важность индивидуального бытия человека, конкретного неповторимого индивида, который должен осознать свою ситуацию и взять на себя ответственность за свою судьбу. Аббаньяно полагает, что философия должна не создавать абстракции, а заниматься анализом проблем, стоящих перед человеком в повседневной реальной жизни, что было актуальным для людей во все времена. Задача философии состоит в том, чтобы прояснить, что есть человек, в чем его предназначение, дать ему мудрость для жизни. Аббаньяно всегда подчеркивал практическую направленность своей философии, говоря о том, что она обращена не к объекту, а к задаче, сконцентрирована не на терминах, а в первую очередь на решениях, выборах и поступках человека. В то же время человек не может существовать как изолированное и обособленное существо, он всегда находится в отношениях как с миром, так и с другими людьми. В отличие от своих современников-экзистенциалистов, Аббаньяно считает, что подлинная реализация человека невозможна вне общества. Поэтому экзистенциальный анализ в его понимании должен быть еще и анализом отношений, которые непосредственно выходят за рамки внутреннего пространства индивида.

Научный руководитель — канд. филос. наук, доцент Доманов О. А.

**Различия в понимании дуализма добра и зла
в платонизме и гностицизме**

Суворкина Т. М.

Институт философии и права СО РАН

В позднеантичной философии дуалистические концепции выстраиваются и развиваются в рамках проблемы соотношения божественного и материального мира, с которой неразрывно связана проблема добра и зла. Сказанное особенно верно для платонизма и гностических учений.

Согласно концепции творения, которую мы находим у Платона в диалоге «Тимей», Вселенная была создана Демиургом путем оформления беспорядочно-движущейся материи в соответствии с первообразом. Космос причастен и зависим от высшего, идеального мира, но никогда не сможет достичь совершенства из-за присутствия в нем материальной составляющей. Существуют трудности в интерпретации и понимании данного мифа и самой фигуры Демиурга, на которые указывает, например, О'Брайен в работе «The demiurg in ancient thought», говоря о том, что различные толкования приводят к разным выводам и вопросам, которые требуют решения.

Именно эту концепцию развивали философы, так или иначе выстраивавшие свои учения в рамках платонической философии. Так Плутарх, ссылаясь на Платона, говорит об истинном сущем Боге, который оформляет и определяет хаос материи, однако в учении Плутарха усиливается дуалистическая концепция, и помимо божественного Единого он принимает в качестве одного из первопринципов неопределенную Двоицу.

Еще дальше идет Нумений, которого в упомянутой выше работе автор называет возможным предшественником гностицизма. В его философии Демиург еще больше отдалается от высшего Бога, а Бог, соответственно, отдалается от мира. Согласно его теории, космос возник благодаря двум составляющим – божественной и материальной. Материя определяется как неопределенная Двоица, которая вечно существует наравне с высшим Богом, именуемым Отцом и неподвластна ему. Второй Бог, Демиург, организовал материю и создал мир, но, приблизившись к ней, разделился сам в себе, соединился с материей и остался в мире. Материя понимается в данном случае как источник зла и так как материальная составляющая является неотделимой частью мира, ее скверная природа неустранима.

Если мы обратимся к гностическим мифам, то на первый взгляд может показаться, что мы видим развитие тех же идей, которые наблюдаем в рамках платонической философии. Однако, несмотря на присущую обеим

традициям дуалистическую тенденцию и общность терминологии, нельзя не отметить ряд особенностей, которые указывают на различие двух мировоззрений.

Если рассмотреть вариант гностического мифа, предлагаемого Валентином, в основании всего мы обнаруживаем тот же совершенный первопринцип, именуемый Отцом, и фигуру Демиурга, создающего мир, однако творение мира в данном случае разворачиваются совсем по иному сценарию, и сама фигура творца понимается иначе. Творение мира – это результат трагической ошибки одного из эонов, который, пытаясь приблизиться к Отцу, потерпел неудачу и пал. В результате этого падения был рожден Демиург, который, не будучи причастен к божественному миру и ничего о нем не ведая, творит космос. Таким образом между миром материальным и миром божественным разверзается непреодолимая пропасть. Демиург творит несовершенный мир не потому, что он зол по своей природе, а потому что он ограничен и несовершенен сам по себе. Если обратится к другим гностическим учениям, можно обнаружить различные вариации данного мифа, однако запредельность божественного мира по отношению к миру земному сохраняется везде.

В греческой культуре космос всегда понимался как нечто совершенное, подчиненное определенным законам, которые хоть и трудны для человеческого восприятия, но все же постижимы, и поиск истины в рамках такого понимания мира был неразрывно связан с поиском идеальной системы, с помощью которой можно было бы описать вселенную и осознать место человека в ней. Платоническая философия на протяжении всего своего развития сохраняла эту установку. В гностической же системе греческая идея полноты бытия превратилась в идею тюрьмы, из которой нет выхода, единство было нарушено, а связь с истинным миром – утеряна.

Важность выявления различий в понимании дуализма добра и зла в двух упомянутых традициях заключается в том, что исследование в данном направлении поможет не только прояснить особенности определенных понятий и концепций, но и четче провести линию развития тех идей, которые берут свое начало в античности и уходят вместе с ее смертью в средневековье, получая новое толкование.

1. Carl Séan O'Brien. *The Demiurge in Ancient Thought*, Cambridge University Press, 2015.

2. Афонасин Е. В. *Гносис: фрагменты и свидетельства*. СПб, 2009.

3. Диллон, Дж. *Средние платоники 80 г. до н. э. – 220 г. н. э.* / Пер. с англ. Е. В. Афонасина. СПб., 2002.

Научный руководитель – д-р филос. наук, проф. Афонасин Е. В.

**Язык и онтология в работе «Логико-философский трактат»
Л. Витгенштейна**

Судакова Н. М.

Томский государственный университет

Одним из наиболее важных вопросов современной философии является то, как наши познавательные способности соотносятся с нашей языковой системой. Одним из тех, кто первым поднял эту проблему является Людвиг Витгенштейн, который вслед за своим учителем Берtrandом Расселом и опираясь на достигнутые последним в логике результаты, развил некоторые важные логические идеи крупнейшего немецкого философа XIX в. Фреге в своем сочинении «Логико-философский трактат». В своей статье я эксплицирую основные аспекты его концепции, касающиеся соотношения языка и онтологии.

В своей работе Людвиг Витгенштейн, как философ и логик, для полной и вполне логичной картины начинает рассуждения с фундаментальных вещей. Элементарные суждения и знания в мире мы называем тем или иным фактом, многие из которых объединяются с другими фактами по схожести своих суждений и совместимости. Тем самым Витгенштейн использует понятие атомарного факта, где объекты связаны одни с другим. Это как представить надутый шарик, логично считать, что вслед за ним идет тот факт, что он чем-то наполнен, обычно либо воздухом, либо гелием. И наш мир не что иное, как совокупность таких фактов. Наши восприятия создают образ этих фактов.

Количество языков в мире многозначно. И человек обладает способностью строить язык, в котором выразим любой смысл, любое положение вещей, которое мы можем помыслить. Но это далеко не значит, что они соответствуют истине. Фундаментальным положением мы должны считать логическое отношение вещей по отношению друг к другу. Пытаться изобразить в языке нечто нелогичное все равно, что пытаться нарисовать квадрат с бесконечными углами. В переводе слов с разных языков мы, главным образом, выделяем общий смысл в том или ином знаке. Правила логического синтаксиса помогают нам выразить общую информацию. Информацию, которая содержится в предложениях, описывающих ту действительность, которую мы видим. Но то, что нам пытаются донести мы понимаем не из описания модели, а из смыслов символов, через которых это происходит.

Постольку, поскольку предложения нашего разговорного языка фактически логически упорядочены, язык и логика, по мнению

Л. Витгенштейна, соприкасаются. Однако наша эмпирическая реальность ограничена совокупностью всех объектов. Появляется своеобразная граница в совокупности всех элементарных предложений – граница языка как граница мира. Следовательно, это также будет являться и границей логики. То, чего мы не можем помыслить, о том мы не можем и сказать. Данный факт, что мир есть мир субъекта, проявляется в том, что границы языка (единственного языка, который понимает субъект) означают границы его мира. Таким образом, естественно появляются мысли о солипсизме, поскольку то, что он подразумевает, может быть лишь показано.

Но мы, тем не менее, признаем, что не все в мире зависит от нашей воли, поскольку существует логическая необходимость и логическая невозможность. Двум разным цветам невозможно находиться в одном и том же поле зрения, как и один и тот же объект не может обладать двумя скоростями, иначе говоря, быть в двух местах в одно и то же время.

В конце своей работы Витгенштейн приходит к выявлению важной роли не высказываемого – то, что может быть лишь показано. Наша граница вполне «по-Кантовски», отделяет высказываемое от того, о чем невозможно говорить и следует «хранить молчание». Автор подводит нас к мысли, что вот где рождаются и живут мистическое и невыразимое, под которыми понимается: религиозный опыт, постижение смысла жизни, этика и пр. Таким образом, Л. Витгенштейн в своем Трактате свел границу языка к границе мира, оставив открытым вопрос о целой области субъективного опыта, что послужило толчком для появления множества трактовок и интерпретаций его первоначального тезиса о соотношении языка и онтологии.

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. и сверено с авториз. англ. пер. И. Добронравовым и Д. Лахути; Общая ред. и предисл. В. Ф. Асмуса. М. : Издательство иностранной литературы, 1958. 133 с.

2. Язык, истина, существование : Сборник / Том. гос. ун-т; Сост. В. А. Суровцев. Томск : Издательство Томского университета, 2002. 239 с.

Научный руководитель – канд. филос. наук Кириленко Ю. Н.

Понятие ресентимента в структуре морали

Хлыновская С. А.

Новосибирский государственный университет

В коммуникативном социальном пространстве, пожалуй, не найдется такого человека, который не имел хотя бы интуитивного понятия о ненависти, боли, зависти, страдании и других негативных эмоциональных состояниях. Перипетии человеческой жизни вряд ли позволяют кому-либо обойти стороной такие объективные факты действительности как несносное начальство, драматичный разрыв любовных отношений, отличная фигура одноклассницы на фоне твоих лишних боков. Все эти разочарования являются неотъемлемой частью нашей жизни, которая строится на их преодолении. Это напоминает гомеопатическое лечение – мы принимаем малую дозу отравляющего вещества, чтобы, как нам кажется, быть устойчивыми к большей опасности. Но что если все, абсолютно все пережитые горечи окажутся сконцентрированными в одну пробирку, где сложные химические структуры перемешаются между собой, образуя новую, сверхсильную кристаллическую решетку, связи в которой не поддаются изменению и, попадая в организм, подчиняют его существование, отравляя каждую клетку? В таком случае, жизнью человека, его сознанием и мыслями завладеет *ressentiment*.

Ф. Н. Ницше создает это понятие как «фабрикование идеалов» – требование от силы, чтобы она «не проявляла себя как сила». Оно представляет собой несколько этапов внутренней борьбы, увенчавшихся поражением. Все начинается с осознания собственного бессилия в борьбе за желаемое, после которого появляется стремление найти причину неудачи. На этом моменте борьба внутри заменяется обращением вовне за ответом на вопросы «почему?», «за что?» и «кто виноват?». Появление зависти как оправдания раскрывает творческий потенциал ресентимента, который вознаграждает себя воображаемой мстостью и становится окончательным звеном его формирования в восприятии человеком окружающей действительности. Ресентимент по Ницше – это устойчивое многоступенчатое явление, формируемое как следствие победы «морали рабов» над «моралью господ» внутри отдельно взятого человека. Это принятие поражения от внешних обстоятельств и попытка выстроить существование по пути наименьшего сопротивления – «я не виновен в собственных неудачах, но виновные есть, и они должны держать за это ответ».

М. Шелер вычленяет ресентимент из противостояния «моралей» и придает ему статус не явления, а стремления. Основой ему, по Шелеру, становится гордыня – оборот, при котором «раб перестает считать себя рабом» и в своих желаниях предьявляет права на обладание чем-либо, ему

изначально не присущим, но находящимся в свободном доступе у кого-либо еще. Подобно потенциальной энергии в физике, resentment здесь – это обреченный на бесконечное наращивание импульс мести, который не найдет выхода, трансформируясь в процессе откладывания до патологического состояния страсти к мщению. «Растворение» объекта мести как такового приводит к обособлению его предикатов, которые самостоятельно принимают для человека негативное значение и становятся деталями некой призмы, через которую человек интерпретирует действительность. Resentment как явление и процесс в разных трактовках выражают различное методологическое применение, сходясь в цели и значении его существования – отрицании собственной воли, обвинении всего существующего за личные поражения и возбуждении желания наказать виновных. На наш взгляд, важным аспектом современного исследования может стать определение resentment в четкие хронологические рамки социокультурных коммуникаций: его проявление в XVIII – XIX вв. будет разительно отличаться от XX, а тем более XXI века, ввиду изменения социально-экономического, политического и морального уклада общества. На фоне актуального для наших дней формального «классового равенства» в доступе к образованию, благам, власти, человек сильнее подвержен ему, ввиду отсутствия ограничений извне как таковых (сословие, род, кровная принадлежность, раса, нация, цвет кожи и прочие). Наличие условной свободы действия, слова и мысли порождает острую конкурентную борьбу между заведомо, но опять же условно, приравненными в своих возможностях индивидами, которые, в результате неуспеха сильнее склонны спроецировать его в отдельный поведенческий и мыслительный образ. В таких обстоятельствах resentment становится последствием распределения отношений «победитель» и «побежденный». Тот, кто обошел тебя на один балл на вступительных экзаменах, кто по выпуску из университета получил более хорошую должность, кто понравился объекту твоих мечтаний становится объектом первоначальной зависти и мести, запуская процесс формирования resentment. В педагогике есть интересный пример такого рода о современной семье с двумя и более детьми – борьба за внимание родителей приводит к конкуренции младших членов семьи между собой, что порождает появление resentment в сознании каждого из них.

На наш взгляд, актуальность resentment в условиях XXI века возрастает. Формы его возникновения, развития и укрепления в человеческом сознании и мировосприятии следует изучить, в полной мере учитывая все особенности влияния современной действительности.

Научный руководитель – д-р филос. наук, доцент, проф. Шевченко А. А.

Теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Серла

Цидзеневский А. С.

Томский государственный университет

Теория речевых актов является одной из наиболее значимых для современной лингвистики и аналитической философии. Целью моего доклада является репрезентация основных идей двух представителей аналитической школы – Дж. Остина и Дж. Серла, каждый из которых внес вклад в понимание и представление важности проблемы речевых актов. Экспликация различий в их позициях на природу речевых актов позволит продемонстрировать возможное дальнейшее направление исследовательского поиска в данной области знания.

Английский философ Джон Лэнгшо Остин указывает на то что высказывание может нести не только описательный или утвердительный характер, но и играть роль «самого действия». Он называет высказывания данного типа «перформативными» (от англ. Perform – выполнять, совершать и т.д.). Принимая это во внимание, Остин отходит от проблем использования перформативных высказываний, в сторону рассмотрения и классификации целостного речевого акта, в некотором роде, расширяя область своего исследования. Он трактует целостный речевой акт (или просто речевой акт) как единство трех актов: а) локутивного; б) иллокутивного; в) перлокутивного.

Локутивный акт Остин определяет, как те единицы языка, правила грамматики, которые мы используем при осуществлении речевого акта. Совершая локутивный акт, мы не совершаем речевой акт. Чтобы «значение» стало не «некоторым», а «определенным» необходимо «совместно» с локутивным актом осуществить иллокутивный. Воспроизведенные локутивный и иллокутивный акт, влекут за собой некоторые последствия, которые Остин называет перлокутивным актом или перлокуцией.

Иллокутивный акт содержит в себе намерение получить определенный результат или иллокутивную силу. Остин условно классифицирует «намерения» по тем перформативным глаголам, которые их выражают на: 1) вердиктивы, 2) экзерситивы, 3) комиссивы, 4) бехабитивы, 5) экспозитивы. Исследуя возможности употребления некоторых перформативных глаголов, Остин иллюстрирует невозможность отнесения их к конкретному подвиду своей классификации.

На эти недостатки таксономии Остина указывает философ Дж. Серл, акцентируя внимание прежде всего на том, что оказывается невозможным

в ряде ситуаций точно определить тип осуществляемого иллокутивного акта или выказываемого намерения. Дж. Серл понимает иллокутивный акт как *минимальную единицу языкового общения*. Иллокутивный акт, по Серлу, характеризуется: а) правилами, б) суждениями, в) значением.

Классификацию иллокутивных актов Серл строит, не исходя из употребления перформативных глаголов, а опираясь на понятия иллокутивной цели, направления приспособления, условие искренности. Иллокутивные акты подразделяются Серлом на 1) репрезентативы; 2) директивы; 3) комиссивы; 4) экспрессивы; 5) декларации. Однако классификация Серла оказывается также «условной», (как и «Остиновская») в связи с тем, что иллокутивная цель некоторых актов не является окончательной и может нести неопределенный характер.

Остин в начале исследования, подходит к анализу конкретных высказываний с позиции рассмотрения целостного речевого акта, где произнесенное высказывание, принимаемое как иллокутивный акт, несет *последствия* в виде *перлокуции*, которые должны быть учтены нами при определении *намерений актора*. Этот факт *последствий* также, отчасти, определяет характер Остиновского исследования речевых актов, как *подход* к анализу употреблений таких *важных* высказываний как, «Я знаю, что...». Серл упускает этот момент и фактически целью своего исследования ставит разработку окончательной теории речевых актов. Таким образом, первоначальная цель, которую ставил Остин, разрабатывая теорию речевых актов, была существенно изменена в работах его последователей.

-
1. Остин Дж. Л. Слово как действие. //Новое в зарубежной лингвистике : Теория речевых актов. Вып. XVII. М. : Прогресс, 1986. С. 22–130.
 2. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? //Новое в зарубежной лингвистике : Теория речевых актов. Вып. XVII. М. : Прогресс, 1986. С. 151–169.
 3. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов. //Новое в зарубежной лингвистике : Теория речевых актов. Вып. XVII. М. : Прогресс, 1986. С. 170–195.

Научный руководитель – канд. филос. наук Кириленко Ю. Н.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 159.96

Терминологический аппарат междисциплинарных направлений гуманитарного знания

Акимова Н. Н.

Сибирский государственный университет путей сообщения,
г. Новосибирск

Предмет всех гуманитарных наук один и тот же – человек, общество и созданная человеком искусственная реальность – культура. Со второй половины XX века одной из главных тенденций развития науки становятся междисциплинарные исследования. На стыках разных научных дисциплин рождаются открытия и часто новые науки. На смежных исследовательских полях происходит своеобразное «перекрестное оплодотворение» в области как естественно-научного, так и гуманитарного знания.

С конца XX века психоистория определяется как самостоятельная традиция, теоретическая база которой представлена работами Э. Эриксона, П. Левенберга, Л. Де Моза. Психоистория развивается на стыке двух фундаментальных научных методов: психоанализа и анализа общественного развития человека – социологического психологизма, проявляющегося в человеческой деятельности, предметах быта и культуре.

Культура рождается из расщепления первобытной психики на бессознательное – желаемое и сознательное – контролирующее, отсюда вытекает амбивалентность ее понятия: с одной стороны, культура вытесняет первобытные желания и страхи, с другой - является сублимативным спасением, в котором находит отражение всё вытесненное бессознательное в виде творчества.

Усреднение и контролирование бессознательных влечений приводит к появлению стереотипов поведения – архетипов, как совокупностей поведенческих реакций на определенные ситуации. Исторический процесс характеризуется спиралевидным движением, что еще раз убеждает в справедливости концепции архетипической психологии.

Следует отметить, что не только маска поведения индивидуума оказывается запечатленной в генетической памяти – ситуативные обстоятельства также наделены определенными повторяющимися элементами и образами, закодированными в психике. Временные и пространственные представления составляют некое единство в восприятии личности – хронотоп, который так же, как и архетип, является категорией формально-содержательной, то есть формой, наполняемой сознанием смотрящего, рефлексивного.

М. М. Бахтин в очерках по исторической поэтике рассматривает хронотопы, говоря, что, как и человеческие архетипы, они количественно не ограничены. Хронотоп в искусстве определяет философский характер произведения, его ценность и основную мысль. Как и архетип, хронотоп в значительной мере направлен оправдать и легализовать действия индивидуума в различных обстоятельствах. Понятие хронотопа привнесено М. М. Бахтиным в контексте литературоведческого анализа, ученый указывает на влияние хронотопа на форму произведения, при этом связывает его с основной философской мыслью текста.

В связи с популярностью идей Бахтина многие философы обращают внимание на возможную связь архетипов с событиями, имеющими циклический характер. Таким образом, понятие, ранее рассматриваемое лишь в теории литературы, становится общепринятым термином в сфере научных исследований гуманитарного знания.

Научный мир представляет собой контекстуальное объяснение мира человека, и чем больше взаимосвязей образуется в паутине научного знания, тем она прочнее, и в то же время каждый сегмент этой системы – законченное произведение, строгое и линейное. Систему гуманитарных наук невозможно представить как линейную последовательность сегментов, в связи с этим энтропия, присущая любой системе, во вселенной научного мира повышается, и человек тем более стремится к упорядочению и созданию иерархических связей. Таким образом, систему гуманитарных дисциплин можно сравнить с паутиной, сегменты которой всегда находятся в одной плоскости – культурной. Историк, культуролог, психолог не имеют в своем арсенале достаточную базу символов – они орудуя словом, отвлеченным понятием, трактовка которого не исключает противопоставлений или же может быть продуктом неудачно исполненного билингвизма.

Чрезмерно жесткое разграничение истории, психологии, культурологии не позволяет сформировать единый познавательный гештальт – образ человека прошлого и настоящего во всем многообразии его проявлений и связей. Таким образом, следует выйти за пределы научного поля той или иной дисциплины, расширить методологический инструментарий ученого. Этот путь лежит в русле парадигмальной составляющей современной методологии гуманитарного познания.

Научный руководитель – канд. филос. наук, доцент Давыдов А. И.

Критика морали в философии Ф. В. Ницше

Баранов Е. А.

Новосибирский государственный университет

Уже то, что философия Фридриха Ницше на сегодняшний день находится в т. н. «зоне интеллектуального риска», намекает на тот факт, что его учение остается в своего рода «слепой зоне» и не усваивается, а возможно, и не может быть полностью усвоено академической философией. Традиция, в которой вся философия Ницше делится на несколько отрезков, о которых можно что-нибудь да сказать, никак не объясняет того, как эти фрагменты образуют некую целостность. Остается неясным и то, каким образом критика религии, учение о сверхчеловеке и критика морали завязаны на вопросе вечного возвращения – этом «самом тяжком вопросе», по замечанию Хайдеггера. Потому интересной будет попытка эту связь продемонстрировать, апеллируя к тому, что письмо Ницше исторично и весьма конкретно в своих претензиях.

Ницше критикует современные ему представления о происхождении морали. Однако ничто не указывает на то, что за двести лет тенденции изменились: сегодняшняя ситуация когда частично, а когда целиком эти тенденции воспроизводит. Это предпосылка, согласно которой мораль имеет естественный исток. Здесь верят в то, что существует некоторый неподверженный порче источник, который все же загрязняют и портят. Из этого источника истекает то, что со времен Средневековья принято называть «душой». Мораль происходит из этого постоянно замарываемого, но, тем не менее, чистейшего в своей основе источника, который можно назвать моральным чувством. Иногда это чувство называют «первичным чувством справедливости», имея в виду, что человек чувствует «как будет лучше», ориентируясь на некоторый идеал. И именно в таком определении морального чувства из некоторого трансцендентного вневременного источника и производится самая настоящая порча. В таком русле мышление действует совершенно абстрактно, игнорируя исторические условия своего существования и продумывания проблемы, а потому пускается в нагромождение вульгарных и попросту глупых гипотез. Дело философа – мыслить конкретно. Его интересуют конкретные противоречия его эпохи, а не абстрактные перспективы. Всякое рассуждение может иметь место и действие только в отношении того, против чего оно направлено. Когда Ницше подходит к вопросу морали, его интересует не мораль как таковая и не теоретическая возможность морального поступка.

Отмежевываясь от современных ему способов это моральное чувство трактовать, Ницше показывает, что источник морали изначально

загрязнен. Если моральный источник бесконечно чист, значит, таковым должен быть и поступок, черпающий свое обоснование из морального чувства. Моральный поступок же таковым не является почти никогда, что убедительно доказывает не только Ницше, но и Фрейд, и Маркс. Ницше развивает учение о дурном источнике всякой морали – *ressentiment*, поскольку моральный поступок происходит из желания унижить Другого, базируясь на своем моральном превосходстве. Мораль дурна не потому, что она не действует, а потому, что в ее основу заложена изначальная двусмысленность, касающаяся сущности этого источника, который, будучи бесконечно чистым, на деле постоянно загрязнен. Это толкование довольно известно и из него сделаны далеко идущие выводы, однако оно обречено оставаться в отрыве от вопроса вечного возвращения, и потому все эти выводы из учения Ницше выпадают. Указывая на дурной источник всякой морали, Ницше задается вопросом: почему вопрос морали раз за разом ставится, всегда привлекает к себе много внимания, являясь поводом для множества дискуссий? Иначе говоря: почему моральный вопрос вечно возвращается? Ницше пытается выяснить почему моральный вопрос постоянно возвращается, при том, что у него есть только одна тайна – тайна *ressentimentного* чувства, грязная по сути тайна. Ницше не просто хочет показать, что существующая мораль произрастает из дурного корня. Он хочет показать это в связи с вопросом о том, почему имеющаяся система мысли такова, что она выставляет на первый план публичных обсуждений моральный вопрос, дискредитирующий эту систему своей грязной тайной. Ведь речь идет о т. н. «эпохе свободомыслия», в которую, если верить названию, как будто бы появляется возможность мыслить о чем угодно. Однако проходит всего пару десятков лет, и уже создаются лексиконы прописных истин, буквально документирующих основные для нового сословия буржуазии темы для обсуждения в салонах и кафетериях. Здесь-то и встает вопрос, отчего вопрос морали, набивший оскомину и навязший в зубах, продолжает вечно возвращаться в этих дискуссиях, ведь на первый взгляд все условия располагают к совершенно иному.

Вопрос вечного возвращения может быть привит к критике морального чувства, если увидеть, что Ницше не интересуется вопросом о том, как *ressentiment* преодолеть. «Противочувствование» должно быть принято как судьба эпохи, как непреодолимые условия того поля, в котором мыслит себя и свою судьбу человек этой эпохи. В этом ракурсе Фридрих Ницше представляет собой образцовый тип мыслителя, поскольку в своем сообщении ему удалось представить все существующие противоречия своей эпохи.

Научный руководитель – д-р филос. наук Шевченко А. А.

Культура детства – архэ персонального мифа общества

Кузнецова И. С.

Томский государственный университет

Плохой ли, хорошей рождается птица, / Ей всё равно суждено летать.
С человек же так не случится, / Человеком мало родиться,
Им ещё нужно стать.
Э. Асадов

Детство – потенция творчества. «Преобразуя окружающую действительность, ребёнок формирует и воспроизводит важнейшее культурное качество человека – моральные ценности» – А. А. Белик. Архэ – первооснова, первоэлемент мира. Человек – единица социума, ребёнок – «чистый лист», без приспособлений к новому внешнему миру, который должен пройти путь от призрачности природного сознания до полного его наполнения культурными смыслами. Культура детства – архаическая культура, с её самостью, жадной жизни при отсутствии качественных средств познания.

Корреляция понятий «первобытное общество» и «детство». Автор данной статьи придерживается положения, что каждый возрастной этап жизни человека может быть синонимичен культурной эпохе. Таким образом, самая ранняя форма цивилизованного бытия человека выступает архаическое общество. Его характерные черты: а. мифосознание – конкретно чувственное отношение к действительности, связанное с ограниченностью инструментов познания; б. синкретизм сознания – все сферы жизни есть единое пространство бытия; в. дуальность – категоричное описание всех проявлений мира. Архаический этап развития определил современную действительность. Различные первобытные образования, в зависимости от ландшафтной, социальной организации, создали отличные цивилизации, на месте которых сегодня существуют прогрессирующий Китай; Индия и Африка – маломобильные регионы.

Подобным образом развивается личность. Ребёнок на ранних стадиях обладает присущим первобытному человеку набором особенностей мышления: мифологическая картина мира – пространство собирается из отдельных смысловых пазлов, происходит материализация представлений; синкретизм и дуальность сознания позволяют говорить о «язычестве природы». Ребёнок имеет чётко очерченные культурой границы и инструменты познания, что замыкает возможности. Семья единственный транслятор опыта, который и закладывает основания для внутренней

потенции раздвижения этих рамок, т. е. начала движения к созиданию внутреннего миропорядка и интеграцию в Космос.

Онтологическое основание человека – миф. Обращаясь к теоретической традиции русского философа А. Ф. Лосева, миф следует интерпретировать как форму бытия, которая утверждает человека экзистенциально. Как утверждает С. Арутюнян, основанием онтологического понимания мира является принятие триединой реальности, позволяющей воспринимать и интерпретировать миф на основных уровнях: физическом, метафизическом и трансперсональном. Человек - создатель и главный герой своей же собственной истории. Он – концентрация разрозненных контекстов и проекций, преломлённых в его сознаний сквозь ряд факторов, дающих качественно новый субъект бытия. Следовательно, здесь мы имеем исходные положения выделения персонального мифа, который определяет индивидуальную траекторию организации жизни отдельного субъекта социума, но и самого сообщества.

Посредник между культурой и персональной картиной мира. Обращаясь к проблеме системно обусловленного построения индивидуального духовного пространства личности, следует обратить внимание на фактор социокультурного окружения индивида. Если культура – совокупность творческих проявлений, а культурный акт – осознанная необходимость восстановления утраченной целостности первоначала – Смирнов С. А., то вся жизнь отдельного индивида сводится к воплощению этой идеи, имеющей различные реализации, в соответствии с различием мировоззренческих систем, каждая из которых стремится к гармонии. Здесь мы можем заметить, как социальная идея ставит идеальные требования к воспитанию ребёнка. Языком приобщения неопита выступают единицы культурных практик – образ, символ. Их смысл раскрывается в результате «сплавления» воспринимаемых ощущений с априорно данными архетипами, проявляющимися в определённой культурной традиции, в целостную смысловую структуру – Тихонова Е. П. С 20 века отдельный человек представляется как исходная реальность, а «расколдовывание мира» привело к десакрализации и упразднению ритуала как утверждение единства элементов мира. Это приводит к конфликтному характеру взаимодействия внешних условий-требований и индивидуального основания субъекта. Высокая пластичность эмоциональных, умственных способностей ребёнка приводит к обострению диссонанса и дезорганизации личности, социума. Здесь стоит особо обратить на творца-наставника, проводника в мир вечных истин и ценностей. Опыт, транслируемый посредством архетипа должен не быть заложником картины мира, но претворять априорно данные этические нормы как идеальные основания жизни.

Научный руководитель – канд. филос. наук Тихонова Е. П.

Вненаучная логика

Миловзорова В. А.

Сибирский государственный университет путей сообщения,
г. Новосибирск

В современной эпистемологии разграничиваются различные виды познания: научное, околонучное, философское, художественное, религиозное и др. Наука рассматривается как наиболее рациональный и достоверный вид познания, но в то же время не утверждается, что это единственный способ или что всякое правильное знание обязательно является научным. Вненаучные виды познания тоже выполняют в нашем осмыслении мира определенные функции и могут давать истинные и надежные результаты. Например, повседневная деятельность требует достаточно обширного запаса постоянно проверяемых на практике знаний, которые не являются научными и не должны ими быть.

В каждом виде познания не просто накапливаются свои сведения, там действуют свои правила мышления, представления и обработки информации. Можно сказать, что в каждом виде познания действует своя логика. В качестве учебной дисциплины мы изучаем рациональную, научную логику. Ей необходимо пользоваться в сфере научного мышления, и там отступления от нее считаются ошибкой. Но в других видах познания могут быть совсем другие правила построения рассуждений. Они отличаются от привычных нам логических ходов, но это не означает, что их там не существует.

Примером такой вненаучной логики может служить логика примет. Всех нас окружают различные хорошие и плохие приметы, которые передаются из поколения в поколение. С детства наши мамы запрещают нам свистеть дома, сидеть на пороге или что-либо через него передавать. Мы настолько привыкли к приметам, что считаем их соблюдение обычным делом и, хотя не относимся к ним серьезно, все же на всякий случай им следуем. Кажется, что приметы носят случайный характер, и в том, что они предписывают, нет никакой логики. На самом деле приметы в своём большинстве основаны на нескольких постоянных логических схемах. Только это не современные, научно разработанные схемы, а принципиально иные логические ходы.

Природа всех примет заключена в желании людей объяснить события, происходящие в их жизни, не простым стечением обстоятельств, а влиянием постоянно действующих сил, и заодно заручиться поддержкой

этих сил на будущее. Приметы чаще всего складываются в условиях деятельности с не гарантированным результатом.

Само слово «приметы» образовано от глаголов «примечать», «замечать», «приметить». Корень «мет» означает некую заметку, поставленную на памяти после серии повторяющихся событий. Приметы строятся на схемах мышления, которые сложились в архаичном мышлении и продолжают функционировать на новом, современном материале. В основе примет лежит логика мифологии, согласно которой многие вещи в мире связаны невидимыми нитями и являются как бы родственными друг другу. Как-то повлияв на одну вещь, можно оказать влияние на другую.

Есть несколько типов таких связей. Во-первых, родственными в логике примет считаются объекты, похожие друг на друга внешне, например, одного цвета – это ассоциация сходства. На ее основе существует множество примет, например, о связи человека и его изображения. К примеру, все знают, что резать или выкидывать фотографии нельзя. Фотография несёт изображение какого-либо предмета или человека, и, повлияв тем или иным образом на фотографию, мы влияем и на предмет, запечатленный на снимке.

Во-вторых, вещи, которые когда-то были частью одного целого, тоже считаются родственными – это ассоциация смежности. Например, вещь, которая когда-то принадлежала человеку, может быть использована для того, чтобы на него повлиять. К этой же серии относится одна студенческая примета – не стричься перед экзаменом и не идти на него в новой одежде: так студент рискует потерять часть себя и часть своих знаний.

Близка к ассоциации смежности так называемая магия контакта, согласно которой предметы при соприкосновении могут передавать друг другу какие-то качества. К примеру, по древней примете при закладке нового сада было принято, чтобы по нему прошла беременная женщина и прикоснулась к каждому дереву. Через «магию контакта» «передавалось» свойство плодородия. А вот известная всем нам современная картина: хоккеист после удачно забитой шайбы едет к остальным игрокам и заряжает их своей «счастливой рукой». В обоих случаях действует одна и та же логическая схема.

Таким образом, приметы и суеверия только на первый взгляд кажутся нелогичными и непоследовательными. На самом деле их логику вполне можно реконструировать.

Научный руководитель – д-р филос. наук, проф. Мартишина Н. И.

Философские основания понимания «здоровья» в Древней Греции

Синюкова Н. А.

Институт философии и права СО РАН

Проблема здоровья, способы его достижения, критерии и факторы, определяющие здоровье – темы, которые актуальны в современности не только для специалистов, но и для каждого думающего и ответственного человека. Особенности современного понимания здоровья (состояния и процесса) во многом соответствуют представлениями о здоровье, его критериях и факторах, сформировавшихся в Древней Греции. Общим является также взаимосвязь понимания здоровья и принципов мироустроения. Именно идеи, сформировавшиеся в древней Греции, и забытые впоследствии в эпоху Средневековья и Нового времени, оказались востребованными в современности.

Представления древних греков о космосе, гармонии, мере, соотношении части и целого, взаимосвязи физического, духовного и нравственного – те идеи, которые составляют основу понимания здоровья. Одной из основных идей античной философии и культуры является идея калакогатии – оптимального соотношения телесного и духовного начал человека, образующих упорядоченное внутреннее единство, «человек совершенный».

В философских рассуждениях Пифагора и его последователей, здоровье рассматривается как состояние равновесия четырех телесных жидкостей (кровь, слизь, желтая желчь и черная желчь), а «болезнь» – следствие нарушения данного баланса. Согласно пифагорейцам, поддержание «здоровья» реализуется практикой аскетичного образа жизни, основанного на соблюдении меры во всем, с использованием ограничений в питании, занятия гимнастикой и музыкой.

Принцип «умеренности во всем» пронизывает и философские рассуждения Сократа, согласно которому чувственные наслаждения ограничивают свободу человека, понимаемую, как способность к преодолению себя. Платон вслед за своим учителем формулирует важность воздержания от излишеств, которые расслабляют тело и зарождают в нем множество болезней. Размышляя о человеческом теле, Платон представляет его, как замкнутую систему микрокосмоса, состоящую из четырех элементов (огонь, вода, воздух, земля), при этом нарушение их взаимосвязи считает причиной болезни. Человек есть взаимозависимость и взаимовлияние двух составляющих бытия индивида – тела и души, где тело служит и управляется душой, а состояние здоровья связано не с медицинскими манипуляциями или действием лекарств, а с

правильной духовной жизнью и работой человека, направленной на самого себя.

Исходным тезисом в понимании здоровья у Аристотеля так же, как и у Платона является понимание того, что человек есть «проекция» космоса, воплощение благородства и величавости. Здоровый человек – человек, соответствующий «мере» и ничему сверх этого, что достигается в результате соответствующего воспитания, целью которого является внутренняя самоудовлетворенность.

Гиппократ формулирует более детальное и глубокое понимание здоровья. На основе натурфилософских принципов он раскрывает сущность человека как часть природы. Здоровье определяется факторами образа жизни и условиями внешней среды. Врач, соответственно, должен знать об этих факторах и условиях и учитывать их влияние на человеческий организм. Гиппократ впервые в истории человечества формулирует комплексный подход к пониманию здоровья, как естественному состоянию организма. Кроме того, именно он впервые формулирует систематическое учение о взаимоотношениях врача и пациента.

Понимание здоровья в Древней Греции формируется и уточняется в соответствии с основными философскими принципами. Мыслители Древней Греции основываются на природной и нравственной обусловленности здоровья в отличие от взглядов Древнего Востока, учитывают факторы и условия окружающего мира, образ жизни, соотношение части и целого, меру и гармонию. Человечество, пройдя в своем развитии много веков, возвращается к тем идеям и принципам, на основе которых понималось здоровье мыслителями Древней Греции.

Научный руководитель – д-р философ. наук, проф. Барбашина Э. В.

Проблема межрелигиозных конфликтов в современных концепциях и социальных практиках

Стафеева Е. С.

Томский государственный университет

В результате глобализации современный человек оказывается в сложном положении между различными культурами, что приводит к проблеме сохранения собственной культурной идентичности.

Данная проблема актуальна в связи с ростом числа иммигрантов и, как следствие, детей от смешанных браков, которые сталкиваются с проблемой двойной идентичности или маргинализации идентичности. Возникает риск утраты связи с культурной общностью, а чувство отчужденности порождает агрессию.

Среди конфликтов, вызванных глобализационными процессами, особое место занимают конфессиональные. Таким образом, проблема данной работы – противоречие между нарастающим сближением культур и их взаимным отторжением на религиозной почве. Цель данной работы – рассмотреть, как проблема межрелигиозных конфликтов решается в рамках концепций мультикультурализма и «столкновения цивилизаций».

Мультикультурализм основывается на идее диалога, равноправии и признании субъектами взаимодействия безусловной ценности друг друга.

Однако данная концепция сталкивается с проблемами релятивизма, аномии, что может привести к утере идентичности, всеобщей унификации культуры.

Сложный вопрос в рамках мультикультурализма – взаимодействие конфессий. Монотеистические религии далеки от толерантности друг к другу. Всякий истинно верующий человек исходит из принципа примата своего бога над богом другой конфессии, что зачастую приводит к прямому (концепция «малого джихада») или скрытому (порицание христианством иных религиозных групп) противостоянию.

Значимую роль в возникновении конфликтов играют проблемы политического, социального и идеологического характера, но они все чаще обосновываются религией, более понятной и близкой широким массам населения.

Сегодня Европа становится местом встречи двух религиозно антагонистских цивилизаций. Представители ислама, считая Запад аморальным, стремятся к гегемонии на территории, им не принадлежащей. Это стремление выливается в необоснованную мегалотирию, т.к. мусульмане не соответствуют (и не пытаются соответствовать) критериям, по которым выявляются достойные члены принимающего их общества.

Например, турецкие семьи в Германии, которые живут исключительно на социальные пособия, но не признают нормы государства, за счет которого живут. При этом часть граждан не просто не интегрируется, но и ставит в приоритет собственные религиозные воззрения (совершение «намаза» на рабочем месте или посреди улиц), что приводит к серьезным конфликтам.

Запад же, убежденный в универсалистском характере своей культуры (которая все больше ассоциируется у незападных народов с аномией, безверием и цинизмом) и подверженный двойным стандартам (демократия хороша, но не тогда, когда приводит к власти исламских лидеров) активно содействует дальнейшему росту напряженности. Отвратительные карикатуры Charlie Hebdo на религиозных святых, свидетельствующие о моральном разложении их авторов и неготовности к диалогу (т. к. для журналистов имеет значение лишь их позиция, а все остальные мнения расцениваются как покушение на свободу слова), демонстрируют несостоятельность и крах политики мультикультурализма, который постепенно признается как гражданами Европы (Т. Саррацин и его книга «Германия. Самоликвидация»), так и представителями власти (А. Меркель, Д. Кэмерон).

Приведенные примеры подтверждают концепцию «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. Автор не считает реализуемой идею мультикультурализма, утверждая, что в интегрирующемся обществе неизбежны конфликты между людьми с разной культурной идентичностью, т. к. ценностные аспекты мировоззрения гораздо сложнее сводимы к компромиссу, чем вопросы экономики и т. п.

Таким образом, можно заметить, что прогнозы Хантингтона реализуются в современном обществе, т. к. «столкновение цивилизаций» преимущественно основывается на культурных различиях. Мультикультурализм, в свою очередь, не оправдал себя, т. к. сверх нормы увлекаясь вопросами сохранения уникальности культур, уделил мало внимания способам и методам их непосредственного взаимодействия. В результате механизм сосуществования культурных сообществ оказался недоработанным и слабо реализуемым на практике, подтверждением чего стала неготовность к диалогу со стороны культур и их неспособность к принятию Другого. В этом контексте религия, как важнейший элемент идентичности, обладающий наибольшим внутри культуры консолидирующим потенциалом, всё чаще является основой для возникновения межкультурных конфликтов.

Научный руководитель – канд. филос. наук, доцент Буденкова В. Е.

Эмпатия в социальных сетях

Сулаев А. А.

Новосибирский государственный университет

Развитие средств коммуникации внесло большие изменения в отношения между людьми. Особенно сильно это заметно на примере социальных сетей в интернете, которые не только позволяют осуществлять связь между субъектами, но и представляют собой альтернативные реальности, где подменяется всё: от способа общения до самих субъектов. В то же время, в общении между субъектами одной из самых важных сторон дела является процесс сопереживания эмоций, то есть эмпатия.

Эмпатию можно определить как способность синхронизации эмоционального опыта между субъектами до некоторой степени, нижняя граница которой определяется возможностью отсылки к общей базовой эмоции. Именно этому феномену в условиях интернет-коммуникации через социальные сети посвящена данная работа.

Причиной особого внимания к феномену именно сетевой эмпатии является тот факт, что эмпатия в социальной сети и эмпатия в не-виртуальном мире к одному и тому же субъекту не тождественны, что вынуждает нас определить онтологический статус перехода из одних условий в другие.

Для этого способ восприятия, информационный канал, через который осуществляется эмпатическая связь между субъектами, мы определим как инструмент эмпатии. В него мы также включим любую информацию, проходящую через канал, так как канал способен исказить изначальную информацию сообразно со своей сущностью.

Среда, в которой между субъектами появляется эмпатическая связь, по определению является инструментарием (сообразно с понятием «инструмента» выше), однако набор инструментов не одинаков постоянно, более того, инструменты способны изменяться (имитация одного инструмента другим), что говорит нам о первичности инструмента по отношению к среде. Таким образом, для дальнейшей онтологизации необходимо сфокусироваться на свойствах инструментов.

Исходя из обозначенной предпосылки, инструменты сообразно делить по полюсам диджитальный/физиологический, так как в одном случае медиация происходит через тело, а в другом – через оцифровывание и символы. Данная онтология была применена для анализа ряда случаев, в которых респонденты фиксировали эмпатическую связь с другим человеком. Данный опыт позволил дополнить онтологию степенями

поляризации, адекватную для описания личных эмпатических склонностей.

На данный момент выявлено девять степеней поляризации: слабая, устойчивая, неустойчивая, критическая (относящиеся к своему полюсу) и диффузная. Разделение основано на способности человека проявлять эмпатию в конкретной среде, поддерживать её и сохранять при переходе в среду противоположной полярности.

Анализ историй респондентов также показал, что принадлежность той или иной поляризации не является неизменяемой. Нахождение в той или иной поляризации привязано к степени освоенности инструментов, то есть к способности воспринимать информацию и передавать её через определенный канал. При этом, инструменты могут быть «заброшены» и хуже освоены, чем прежде (при перерывах в использовании). Исходя из данных опыта, можно заметить постоянную корреляцию между эмоциональным напряжением, полученным при помощи некоторого инструментария. Отсюда выдвигается гипотеза, что для каждой среды человек имеет некоторую стратегию работы с инструментами, где одни предпочтительнее, чем другие. Когда же инструменты не дают должного эмоционального результата, стратегия меняется на иную, скорее всего, наиболее далекую, которая нацелена на интенсивное освоение инструментария. При положительном результате стратегия принимается за основную, перемещая человека в соответствующий спектр поляризации.

В заключение, стоит сказать, что, несмотря на ограниченный проанализированный опыт, состоящий из 15-ти случаев и трех стенограмм переписок, высказанная гипотеза не имеет до сих пор ни одного исключения, что, впрочем, не делает её невозможной для фальсификации. В целом, область применения представленной онтологии эмпатических взаимодействий кажется перспективной для более широкого использования, а сама онтология – перспективна для разработки.

-
1. Saitō Tamaki, Hikikomori: Adolescence without End, University of Minnesota Press, Minneapolis, London , 2008.
 2. Бруно Латур, Об интеробъективности, М.:Издательский дом «Территория будущего», 2006.
 3. Ален Бадью, Философия и Событие.
 4. Sanjaya Wijeratne et al., EmojiNet: Building a Machine Readable Sense Inventory for Emoji, Springer International Publishing AG 2016.
 5. Kelly, R. and Watts, L. , Characterising the inventive appropriation of emoji as relationally meaningful in mediated close personal relationships, 2015.

Научный руководитель – кандидат филос. наук Кудряшов И. С.

**Вненаходимость в диалогической концепции культуры М. М. Бахтина
(на примере новеллы Т. Манна «Смерть в Венеции»)**

Тарасенко Э. В.

Новосибирский государственный университет

Изучение механизмов функционирования человеческого общества включает рассмотрение проблемы генезиса и развития культуры. Научный анализ культуры подразумевает исследование человеческой личности. Сегодня одной из наиболее востребованных культурологических теорий является диалогическая концепция. В рамках этой концепции важную роль играет обращение к текстам, позволяющим выявить способ относительного существования индивидов в мире и процесс формирования культуры как цепи интеракций.

Разработкой диалогической концепции культуры занимался М. М. Бахтин. Главным способом исследования взаимодействий между культурами и отдельными индивидами в его сочинениях выступает анализ создаваемых человеком текстов. На примере пространства, смоделированного в художественной литературе, он раскрывает взаимное влияние субъектов диалога и значимость контекста происходящего взаимодействия. Для иллюстрации явления диалога он использует разграничение двух способов формирования реальности романа: монологический и диалогический. Говоря о непрерывном диалоге как способе существования и восприятия действительности, Бахтин обращается к вненаходимости, отвлеченности от самого себя [1, с. 100]. Диалог субъекта с самим собой, его самообращенность становится частью формирования контекста его взаимодействия с иными субъектами. Данная методика представляется актуальной в антропологическом анализе [4, с. 135–136].

Целью данной работы является исследование внутреннего диалога как феномена культуры на примере рассмотрения новеллы Томаса Манна «Смерть в Венеции». Новелла представляется характерным описанием самообращенности личности и ее самовосприятия в контексте окружающей действительности.

Диалогическое построение художественного произведения выступает способом моделирования устройства мира в целом и культуры в частности. Вненаходимость подразумевает осознание и восприятия субъектом самого себя, конструирование самости. Представление о мире формируется с позиции наблюдающего, в случае самообращенности взаимодействие происходит с целостной личностью, являющейся собственным Я, в отношении одновременно вступаю и два субъекта, и

один. В отличие от иных видов диалогов, для внутреннего диалога характерна отвлеченность. В основе отношения Я–Я – «несовпадение с самим собой», противоречие тождественности и нетождественности [2; 3].

В новелле Т. Манна раскрывается тема восприятия субъектом собственной личности и изменений, происходящих с ней. Герой – уже немолодой и очень известный писатель – входит в конфликт с детерминацией себя по отношению к миру. В начале повествования он противопоставляет свою личность старику, подверженному изменению и скрывающему эти изменения. Представление героя новеллы о себе, как об отдельной, абстрагированной от него личности, субъекте отношений, не тождественном ему самому, выступает в ореоле писательской славы. Приезжая в Венецию в надежде вернуть контекст своей молодости, он действует согласно не выраженному, но уже ощущаемому им противоречию между ожидаемыми от него действиями и его фактическими желаниями и стремлениями. Возникает диссонанс. Герой стремится сопоставлять самого себя с миром юного Тадзио, с иным контекстом, вступая же в диалог со своей личностью, обращаясь к ней, он обнаруживает ее чуждость этому контексту. В попытке детерминации личности он неизбежно приходит к выводу, что данного человека уже нельзя причислить к миру юных, к миру объектов его эстетического наслаждения. (Особенно показательна сцена у цирюльника). Так во внутреннем диалоге проявляется нетождественность. Но памятуя, что в момент рефлексии речь идет о нем самом, герой оказывается не в состоянии причислить себя к иному культурному пласту. Так выражается тождество.

Следовательно, конфликт тождественности и нетождественности играет основополагающую роль во внутреннем диалоге. Внутреннее взаимодействие элементов этого противоречия определяет явление самодетерминации субъектов культурного отношения, а так же способы разрешения внутренней неопределенности.

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. - М.: Советская Россия, 1979. 320 с.

2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

3. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. М., 1986.

4. Библер В. С. М. М.Бахтин или поэтика культуры. М.: Прогресс, 1991. 176 с.

5. Манн Т. Смерть в Венеции. СПб: Азбука, 2008. 320 с.

Научный руководитель – канд. культурологии, доцент Бойко В. А.

Априорность технической рациональности как основание техногенной цивилизации

Баширова Т. А.

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова

По аналогии с «человеком играющим» современного человека можно охарактеризовать как человека бегущего – бегущего от себя, от собственной целостности в мир сменяющихся картинок и разрозненной информации. Человек труда уступает место человеку техники. Техника постепенно отвоевывает у науки статус доминирующей силы социального развития. Все острые социальные проблемы, так или иначе, снимают в себе проявления технической составляющей социума. При этом в отношении сути техники сохраняется неопределенность, во многом вызванная дуальностью техники и человека, которые мыслятся в определенном разрыве. В решении вопроса о реальной включенности феномена техники в цивилизационные процессы наиболее актуальным выступает анализ корней технической рациональности.

Современная философия техники демонстрирует внутренний дисбаланс, когда отдельные разделы теории не являются преемственными, не имеют обратной связи с решением вновь возникающих проблем. Наш исследовательский проект способствует восстановлению теоретической целостности, так как предполагает обнаружение предпосылок технического отношения к миру в сознании человека через анализ имеющихся в философии техники основных теоретических концептов техники.

Целью данного исследования является доказательство априорности технической рациональности сознанию и познавательной деятельности человека независимо от понимания сути техники, ее оценок. Для достижения цели решены следующие задачи:

- систематизированы основные концепции понимания сути техники, имеющиеся на сегодняшний день в философии техники;
- найдено доказательное подтверждение наличия априорных свойств сознания, способных детерминировать развитие технического отношения человека к среде;
- обоснована несостоятельность рассмотрения техники в дилемме «благо – зло».

В результате исследования были получены следующие результаты.

1. В качестве основных трактовок концепта «техника» были определены следующие направления:

- техника как ремесло и искусство;
- техника как продолжение органов чувств и движения;
- техника как производительное выделение полезных для человека свойств вещей;
- техника как творческое преобразование мироустройства.

Данные подходы классифицированы по двум направлениям: техника – это не нечто новое, а просто раскрытие того, что есть и техника – это принципиально новое, отличное от существующего наличного состояния, преобразование мира.

2. Обосновано, что как знание философия техники представляет собой пересечение двух разных рефлексий: рефлексию профессионалов-технариев по специфике инженерной деятельности и рефлексию гуманитариев в отношении собственной среды обитания.

3. Доказано, что существуют априорные черты разумности, которые детерминируют появление технического осмысления и освоения мира. Доказательство этого получено в анализе каждого концепта техники.

4. Согласно первой концепции «techne» раскрывает то, что само себя не производит, что еще не существует в наличии, поэтому может предстать в том или ином виде. Именно «techne» закладывает возможность трансцендирования, выхода за пределы самого себя.

5. В концепции органопроекции априорность технической рациональности доказательна основным допущением, что создаваемая человеком техника есть простое тиражирование его органов. Человек реализует уже заложенные в нем предпосылки технического освоения мира.

6. В следующей концепции сути техники априорность может быть доказана через анализ техноэтических принципов.

7. В постнеклассической интерпретации техники априорность технической рациональности доказывается через факторы информационного отбора, который рассматривается в качестве фактора техноэволюции.

8. Историческое доказательство строится на аргументе первичности разумности.

Таким образом, в процессе проведенного исследования были получены убедительные доказательства наличия свойств сознания, способных стать детерминационным фактором появления технического мышления и техногенного отношения человека к миру.

Научный руководитель – д-р филос. наук, доцент Жилина В. А.

Проблема свободы воли в современном информационном обществе

Бобров Р. С.

Новосибирский государственный университет экономики и управления

В настоящее время проблема свободы воли человека приобрела кардинально новое измерение. Исследуя вопрос существования свободы воли в рамках современного этапа развития общества, мы приходим к потребности изучения самого этого этапа, который диктует нормы и задает новые параметры общественной жизни. Многие ученые сегодня сходятся в определении настоящей эпохи, как информационной. И если еще несколько десятилетий назад, по мнению Э. Тоффлера, власть имели люди, обладающие информацией, то сейчас их преимущество тает на глазах. Сегодня каждый желающий обладает возможностью получить ту информацию, которая ему нужна в данный момент. Радикально меняются формы взаимодействия людей. Люди знакомятся и общаются посредством социальных сетей, и это, становится более предпочтительным. Агитационная деятельность представителей различных политических и религиозных идеологий также стала более активной и свободной. Интернет занимает все растущее количество времени и внимания, которое отдают ему люди. И уже сложно представить активного члена общества без смартфона в кармане, ноутбука в портфеле и компьютера на своем рабочем месте. Как все это информационное изобилие влияет на нашу волю? Становится ли она от этого более свободной или же напротив, мы становимся заложниками этих умных машин? Ведь, с одной стороны мы получаем колоссальные возможности доступа к любой информации, нам необходимой. Нам представляется, что вместе с новыми возможностями наша свобода существенно вырастает. Но с другой стороны возникает вопрос, насколько человек становится зависимым от этих, казалось бы, полезных возможностей? Важно и то, как именно влияет на нас эта информация, в частности, учитывая то, что вопрос о ее достоверности остается открытым.

Быть может, мы теряем что-то свое, личное, начиная целиком и полностью опираться только на smart устройства в наших руках. И многие уже не представляют своей жизни без них. Что ощущает современный человек, выйдя из дома без своего смартфона? Часто для него это серьезная проблема. Он теряет связь с окружающим миром, будто действительный мир – это необозримое информационного пространство. И важно разобраться в том, насколько фатальна эта зависимость, способен ли человек действительно реализовать себя в этих условиях как свободную личность.

Исследование проблемы мы ведем, опираясь на взгляды В. Виндельбанда. Он раскладывает свободу воли на три составляющие: свободу действия, свободу выбора и свободу хотения. В ходе работы, основанной на этом понимании, мы выяснили, что свобода воли современного человека практически отсутствует. На всех трех этапах свобода терпит огромное давление. Свобода действия ограничена за счет того, что информационные технологии буквально навязывают себя и уже невозможно что-то сделать без их использования. Особенно если это действие связано с государственными инстанциями. Вся система социального взаимодействия переходит на информационную платформу. И человек не может это обойти, у него нет альтернативы действию, связанному с информационным пространством. Этим обуславливается ограничение свободы выбора. Мы можем выбрать модель телефона, но у нас нет варианта обойтись без него. Иначе мы будем, буквально, отрезаны от общества. И называть это свободой выбора не справедливо. Проанализировав свободу желания современного человека, мы приходим к выводу, что она ограничена не меньше. Информационные технологии принимают активное участие в формировании наших желаний. Они заставляют нас думать и хотеть то, что необходимо им. Достаточно посмотреть на открытия продаж новых моделей гаджетов. Для многих людей они становятся объектами мечтаний. Желания и взгляды людей формируются за счет, как раз, того избытка информации, которое нам щедро предоставляется. Психологические, маркетинговые приемы умело конспирируют под информационные обзоры. А кажущаяся нам свобода, реализуемая благодаря открытому доступу к информации, является не более, чем иллюзией. Поскольку обычному человеку очень сложно разграничить достоверную информацию и ту, по средствам которой происходит манипуляция общественным сознанием. И действительно важная информация, несущая в себе возможность иметь превосходство над массами, никогда не станет всеобщим достоянием. Ее тщательно оберегают власть имущие, с целью сохранить контроль над обществом.

Научный руководитель – д-р филос. наук, проф. Донских О. А.

Второй принцип справедливости в концепции справедливости

Дж. Ролза

Верпета В. В.

Новосибирский государственный университет

Справедливой может считаться такая организация общественной жизни, при которой распределение ресурсов, производимых в процессе кооперации, не зависит от случайных с морально точки зрения факторов и направлено на обеспечение прав и свобод участников этой кооперации. Т. е. человек, вовлечённый в систему социальной кооперации, не должен пониматься как средство, необходимое для её функционирования, но его права и свободы могут считаться единственным устойчивым основанием для её существования.

Распределение ресурсов может считаться справедливым, если оно не зависит от воздействия факторов, незаслуженных с моральной точки зрения. Социальное происхождение имеет определяющее значение при определении дальнейшей судьбы личности, но оно – незаслуженно, т. к. не является результатом рационального выбора и приложенных личных усилий. Различия в природных способностях также незаслуженны, но оказывают серьёзное воздействие на перспективы людей. Каким же образом оградить систему распределения социальных благ от случайных факторов и обеспечить действительное равенство возможностей?

Целью работы является определение способов реализации второго принципа справедливости, предложенного Дж. Ролзом, согласно которому, незаслуженные неравенства допустимы, но должны быть организованы таким образом, чтобы увеличивать благосостояние наименее преуспевшей части общества, осуществляя равенство возможностей, а именно доступ к положениям в общественной структуре. Второй принцип обеспечивает условия для реализации первого принципа концепции справедливости, который гарантирует в отношении каждого индивида равные основные свободы (свободу мысли и совести, политические свободы и т. д.).

Способы реализации второго принципа справедливости таковы:

Возмещение незаслуженных неравенств. Вторым принципом справедливости также называется принципом различия, т. к. он использует неравенства (различия в положениях) для содействия наименее преуспевшим от социальных и природных случайностей. Возмещение происходит за счёт тех, кто преуспел от случайностей и находится в привилегированном положении, имеет незаслуженные, т. е. данные от природы, преимущества в способностях. Неудачи людей, которые имеют природные недостатки, никак не связаны с их личным выбором и

затраченными усилиями, поэтому должны быть компенсированы за счёт тех, кто извлекает незаслуженные выгоды из своего исходного социального положения или из своих врождённых талантов.

Институты распределительной справедливости. Распределение происходит на государственном уровне через систему институтов, которые производят налогообложение по прогрессивной шкале, предполагающей увеличение процентной ставки налога на доход пропорционально увеличению дохода. Ресурсы, передаваемые правительству, необходимы для создания коллективных благ и осуществления социальных выплат, которые требует выделять принцип различия.

Принцип участия. Демократический режим возможен при вовлечённости граждан в политическую жизнь, когда поддерживается ценность политической свободы и недостаток средств не лишает законной доли влияния наименее удачливых членов общества. Меры компенсации необходимы для обеспечения равных свобод, т.к. диспропорции в распределении богатства не должны позволять людям, находящимся в привилегированном положении, оказывать большее воздействие на ход законодательного процесса, иначе в решении социальных вопросов они обретут господствующее влияние. В обществе должна поддерживаться свободная дискуссия через деятельность партий, фонды которых целиком формируются из налоговых отчислений, а значит, свободны от влияния доминирующих групп.

Равенство возможностей. Общество – система кооперации, созданная во имя взаимной выгоды её участников, которая компенсирует природный произвол, а значит, основывает распределение благ не на существующих неравенствах, а на необходимости поддерживать ценность равной свободы, которая гарантируется первым принципом. Ценность свободы для каждой личности измеряется её возможностью реализовывать свои интересы. Первичные блага – это права, доходы, энергия, интеллект, здоровье, т.е. блага необходимые каждому для преследования своих целей. Такие блага являются основанием для определения наименее обеспеченных членов общества, в пользу которых должно производиться возмещение через принцип различия.

Научный руководитель – д-р филос. наук, проф. Шевченко А. А.

Ирония как онтология границ

Гурский Н. М.

Томский государственный университет

Ирония в истории связана с именами Гераклита, Сократа, Демокрита. Ближайшие к нам философы, явно ироничного направления мысли – это Ф. Шлегель, Кьеркегор, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и заканчивает список Р. Рорти. При более внимательном взгляде, можно заметить, что ирония всепроникающа и господствует везде, где у человеческого существа обнаруживается разум и эстетический вкус. Мы характеризуем иронию как наиболее фундаментальный способ познания мира и человека, способ мышления и способ существования индивида и всего сущего. Несмотря на то, что ирония сопровождает жизнь людей на протяжении веков, до сих пор мы еще не располагаем достаточно рефлексивной и строгой теорией ироничного способа познания.

Ирония совершенно недоступна озабоченным в чем-то людям, которые ищут "простого" решения. Только легкомысленным существам ирония по душе, она становится орудием смысла, такого смысла, который из самой простой вещи может создать невероятно сложные конструкции. Архитектура ироничной рациональности похожа на строения инопланетного разума. Действительно, иронию можно назвать своеобразным «околоземным» разумом, который невозможно заземлить никаким «законом тождества» или «правилами вывода», утаить под спудом психологического знания или скептической рациональности. Иронию мы представляем как строгую рационально-эмоциональную конструкцию.

Логические законы иронии, ее грамоту, можно представить в четырех основных положениях: 1. Нет ничего единичного и тождественного себе, все вещи и явления участвуют в некоем сущностном двоении; 2. Ирония всегда выражает себя через антиномию понятий-соучастников, санкционирующих двусмысленность, не сводимую ни к каким усредняющим «синтезам», – отсюда ее парадоксальный словарь и отсюда ее действенность; 3. Ирония выражает себя в особой метафорической области, отличной от области смыслов и значений обычной двузначной реальности и раскрывается двояко, – как живая граница эстетического разума, – своеобразным лицом Януса; 4. Форма завершенной иронии, ее энтелехия определяется четырьмя «причинностями».

В привычном разграничении, когда тонкой границей рассекаем область на две, – мы не замечаем собственную толщину границы. Стоит только линию границы раздвинуть, как можно заметить четыре спецификации,

которые в дальнейшем и определяют механизм действия иронии: две внутренние стороны границы и две обращенные наружу – к реальному и воображаемому (идеальному). Внутреннюю область границы уместно назвать областью виртуального (символического) знания. Такая граница не **раз-дваивает** пассивно **одну** реальность на две (**метонимическое отношение**), но своей собственной активностью **разъ-единяет** две разных реальности (**метафорическое отношение**). Вспомним идиолекты Д. Дэвидсона, которые невозможно позиционировать на плане одной референтной области. Межсубъектное общение, на поверку оказывается, определяется не единичными субъектами соседствующими друг с другом в одном референтном поле, но активностью двух внутренних сторон самой границы. Сама граница выступает как своеобразный терминатор (живой термин). И эта граница вполне эмоциональна.

Притворное мышление иронии есть действие разума сразу в двух направлениях: ума с его связными природными чувствами (памятью и пониманием) и рассудка с его дискурсивной дизъюнктивной мыслью (и воображением). Ум-разум-рассудок как выразители реального-символического-воображаемого. Все три области здесь вполне содержательны. Усредняя символ до знака тождественного, получаем редуцированную форму знания с его привычной двузначностью «истины-лжи», «добра-зла». Реальность в таком знании полагается как «единая для всех». Но это единство всегда внутренне конфликтно. Ирония же разума насмешлива к любым видам единств, признавая их исключительно как метафорические фигуры. Маргинальность иронии – не признает «одно».

Ирония, выражая граничное метафизическое знание, способна предложить людям «единственный» путь к солидарности, поскольку в ней нет «борьбы противоположностей» – она абсолютно миролюбива.

Научный руководитель – д-р филос. наук, проф. Ладов В. А.

Метафизика власти

Карян А. Г.

Сибирский государственный университет путей сообщения,
г. Новосибирск

Понятие «власть» относится к числу таких категорий, для которых трудно дать однозначное (конкретное) определение. Это связано с многогранностью форм ее проявления, что приводит к появлению различных научных подходов к анализу власти. Философский анализ власти представляет научный интерес для анализа ее природы, а также новых форм ее проявления.

Цель исследования выявить философские основания властных отношений.

Исследованием природы властных отношений занимались отечественные и зарубежные мыслители, такие как Б. Паскаль, Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, М. Фуко, М. Кастельс, И. Пригожин и др.

Одним из направлений философского анализа власти является исследование метафизики власти, т.е. поиск первопричин происхождения властных отношений. Метафизика это учение о пределах, т.е. об архе, которая господствует над миром в целом или отдельными его элементами. Таким образом, проблема метафизики власти может быть раскрыта, путем анализа этих пределов, задача исследователя найти эти архе (первоосновы) власти.

В классической философии, под архе власти понималось всеобъемлющая субстанция, которой предписывалось отношение господства и подчинения. У Т. Гоббса в качестве такового выступало государство – Левиафан, у Гегеля отношение раба и господина, у М. Вебера субстанцией являл себя конфликт.

Мы наблюдаем изменение характера социальной онтологии, которая приобретает как форму государственной организации, так и глобального «пространства потоков» и мировой сети (М. Кастельс), «беспорядочных, с точки зрения классической логики, коммуникаций, представляющих собой хаос» – И. Пригожин.

Современный подход к метафизике власти показывает ее непосредственное вплетение в жизнь, которая выходит за рамки политики. В самых разнообразных сферах жизни власть приобретает экзистенциальный характер – основывается на потенциале человеческого существования, на его способности трансцендирования. Поэтому задача состоит в том, чтобы выявить власть, скрытую в повседневности, но присутствующую в жизни каждого человека.

Из анализа концепций власти М. Фуко, А. Бадью, П. Бурдьё можно сделать вывод, что власть имеет онтологический статус и является способом человеческого бытия. Власть, по Фуко, не есть явление институционно локализованное, она пронизывает все общество в целом, она осуществляет репрессивные функции, доходя до того, что становится производителем реальности. Государственная власть характеризуется наличием механизма опосредования в управлении. Государственная власть осуществляется по схеме Фуко для того, чтобы что-то подавить, властная структура сначала это порождает. Полиция порождает преступность, что бы с ней потом бороться.

Возникновение опосредованности между субъектом и объектом управления приводит к развитию властных отношений. Это связано с появлением в человеке воле к власти, и снижению ответственности при увеличении промежуточных звеньев. Впервые о способности ведущей человека к захвату мира и воле к власти сказал Ф. Ницше. «Толкая человека на трансцендирование, «избыток сил» обнаруживает себя в трансцендировании человека как той способности, которая и есть метафизическое основание власти – «захвата» мира». Метафизику власти, следует связывать, с экзистенциальной сферой, которая будучи специфичной только для человека, наделяет его властным отношением к миру.

Власть спонтанная, невидимая и не воспринимаемая как таковая. М. Фуко использует метафору башни надзирателя, из которой он видит все и всех, оставаясь сам невидимым. Метафора приводит его к выводу о «микрофизике власти» как той ее модели, когда она проникает во все области социальности и внедряется повсюду.

Таким образом, метафизические основы власти в философии связывают с поиском архе (первооснов). Т. Гоббс в качестве в этом качестве определял государство – Левиафан, Гегель – отношение раба и господина. М. Вебер – конфликт, также данной первоосновой может выступать возникновение механизма опосредования власти между субъектом и объектом управления.

Научный руководитель – канд. филос. наук, доцент Лукьяненко Н. В.

Дэвид Уилкинсон о проблеме синтеза цивилизационного и миросистемного подходов

Мельникова М. А.

Новосибирский государственный педагогический университет

Исследования современного мира обладают некоторой амбивалентностью, обусловленной тем, что с одной стороны мир предстает перед исследователем как единый в понятиях «глобализация» и «человечество», с другой стороны, мир продолжает пестрить разнообразием культур. В работе «Civilizations are world systems» [1] Д. Уилкинсон предпринимает попытку методологически устранить такое состояние «расщепленности» исследовательского фокуса. Он приводит попытку синтеза двух подходов к исследованию истории человеческих обществ – цивилизационного и миросистемного. Д. Уилкинсон обратил внимание на то, что цивилизационный подход, целью которого является описание разнообразия культур народов мира, и миросистемный подход, предлагающий онтологию мира как системы, дополняют друг друга. Приверженцы цивилизационного подхода склонны больше интересоваться культурными аспектами обществ, чем экономическими, а представители миросистемного подхода делают больший акцент на экономические факторы их развития. В своей работе Д. Уилкинсон приводит анализ и критику двух подходов. В цивилизационном подходе он находит необходимые для синтеза теоретические основания в работе А. Тойнби, а именно модель культурного противоречия и конфликта, хотя, в отличие от великого классика, Д. Уилкинсон не связывает ее только с распадом. Исследуя динамику цивилизаций, Д. Уилкинсон осуществляет критику понятия К. Куигли «инструмент экспансии», под которым тот понимал некоторую организацию людей, способную аккумулировать излишек и вкладывать его в некоторую инновацию. Д. Уилкинсон отмечает, что инструментов экспансии цивилизации может быть множество. Политипологическая перспектива исследования цивилизаций С. Хантингтона отмечавшего, что именно конфликт цивилизаций станет доминирующей формой конфликта, приводит Д. Уилкинсона к мысли, что это будет скорее конфликт культур в пределах одной цивилизации, который вряд ли вытеснит другие формы конфликта.

В миросистемной теории большой интерес Д. Уилкинсона вызывают споры ее представителей о возможностях применения миросистемного метода к докапиталистическим мировым системам с различными способами производства. И. Валлерстайн, К. Чейз-Данн и Т. Холл отрицают такую возможность, они считают, что данный метод может быть

применен только для современной миросистемы, берущей свое начало с XVI в. А.Г. Франк и Б. Гиллс, напротив, используют методологический потенциал миросистемного подхода для интерпретации динамик древних обществ. Сам Д. Уилкинсон объединяет эти гипотезы в одну и указывает на то, что в истории существовало много различных мировых систем, но одна из них, в конечном счете, поглотила другие. Опираясь на идеи А.Г. Франка и Б. Гиллса, он формулирует ряд положений относительно существующей мировой системы, датируя начало ее существования примерно 3500 г. до н.э. В середине второго тысячелетия до н.э. путем расширения и слияния двух, существовавших ранее, цивилизаций (Месопотамской и Египетской) сформировалась Центральная цивилизация. Д. Уилкинсон считает правомерным применять модель «центр-периферия» ко всем цивилизациям и мировым системам. Он принимает также идею о существовании в системе государства-гегемона и идею соперника-челленджера Дж. Модельски, чем расширяет свою теорию, хотя отмечает, что в древних обществах уровень гегемонии ниже, чем в современных. В подтверждение своих выводов, Д. Уилкинсон приводит пример взаимоотношений Рима и Китая, как представителей различных цивилизаций, принадлежащих к одной мир-экономике.

Рассмотрев гипотезы представителей цивилизационного и миросистемного подходов, Д. Уилкинсон приходит к ряду выводов. Он подчеркивает мысль о том, что цивилизации являются миросистемами. Множество таких систем, существовавших в прошлом сегодня являются единым, но культурно разнородным образованием, которое он называет Центральной цивилизацией. При этом многие культурные образования, которые обычно считаются цивилизациями, таковыми не являются, а представляют собой лишь части Центральной цивилизации. Измерение размера цивилизации можно осуществить при помощи анализа связями военно-политической дипломатии. Единство роста Центральной цивилизации обеспечивают экономические связи, в то время как культурные связи по своему значению оказываются второстепенными. Формируя единство на основе военно-политических и экономических связей Центральная цивилизация является чрезвычайно разнородным образованием. Другие цивилизации, считает Д. Уилкинсон, также поликультурны, но некоторые часто стремятся к гомогенной идеологии и политике.

В целом следует заключить, на сегодняшний день в западной научной традиции наблюдается тенденция к интеграции цивилизационного и миросистемного подходов при исследовании сложных человеческих обществ.

1. Wilkinson D. Civilizations Are World Systems! // Comparative Civilizations Review. 1994. Spring p. 248–260.

Научный руководитель – д-р филос. наук, проф. Изгарская А. А.

Особенности социализма как утопии в понимании Карла Манхейма

Потылицын М. Д.

Красноярский государственный педагогический университет

им. В. П. Астафьева

На пути перманентного поиска истины принципиально важным является стремление к максимальному охвату знания. Важно отметить, что в своем стремлении в будущее существует опасность упустить прошлое, которое, как нам кажется, таит в себе невероятное количество бесценного опыта.

В своей работе «Идеология и утопия» К. Манхейм дает объяснение социализму как одной из форм утопического сознания. В этих условиях мы задались вопросом об особенностях трактовки социализма, данной К. Манхеймом в первой четверти XX в., и ее актуальности в настоящее время. На этот вопрос в данной статье мы и попытаемся ответить.

В понимании К. Манхейма существует две трансцендентные по отношению к бытию структуры: Идеология и Утопия. Утопично, по мнению К. Манхейма, то сознание, что не находится в соответствии с окружающим его «бытием». Это трансцендентная по отношению к действительности ориентация, что коренится в интересах и потребностях, породившей ее группы. При переходе утопии в действительность происходит смещение существующего порядка вещей. Бытие рождает утопию, как критику *реального с позиции его идеального воплощения*. В роли антагониста Утопии выступает Идеология, отстаивающая сохранение существующего положения. Таким образом, утопия, по К. Манхейму, это идея (идеальный конструкт), характеризующаяся своеобразным восприятием бытия, при котором акцентируется внимание на его отрицательных элементах.

Затрагивая тему социализма, К. Манхейм стремится выявить характерные черты этого явления, что, по его мнению, является принципиальным моментом для понимания феномена современного мышления во всей его совокупности. Важно оговорить, что мы вслед за автором под словом *социализм* будем понимать его в марксистском воплощении, при этом сознательно игнорируя проблему его последующего разложения на течения. Среди характерных черт, выделяемых К. Манхеймом, прежде всего, обнаруживает себя *устремленность в будущее* (как момент реализации утопии), что, по мнению автора, роднит социалистическую идею с либеральной, при условии, что социализм определяет это будущее максимально конкретно – как время гибели капиталистического уклада. Следующий момент

сводится к заключению социалистической идеи в *конкретной оболочке*, обстоятельства к существованию которой, порождает сам жизненный процесс. Социалистическое сознание стремится к максимальной конкретизации своей идеи, где *реальностью является социально-экономическая структура общества*. Марксистская теория исходит из идеи рационализации современных тенденций. Принципиальным моментом здесь является *отказ от представления о правильном общественном устройстве*. Социализм не идеал, а движение. Движение по смещению настоящего, порожденное современной ему ситуацией (будущее складывается в реальной диалектике настоящего).

Обращаясь к современной социалистической мысли, мы обнаруживаем, что приведенные выше характеристики во многом потеряли свою актуальность в новых условиях изменившегося дискурса. Интересным в этом плане является работа Ф. Джеймисона «Политика утопии», в которой *политическое бессознательное* провозглашается как возвышенная утопия. Очевидная дифференциация современной марксистской мысли порождает проблему ее последующей консолидации, косвенно затрагиваемую П. Андерсоном в его работе «Размышления о западном марксизме».

В целом же актуальность темы футуроориентированности утопического мышления вряд ли может быть исчерпана, в подтверждение чему можно привести рассуждение о неомарксистской утопии Г.И. Мусихина «Очерки теории идеологии»: «... утопия состоит не в каком-то конкретном содержании, а в желании быть, ориентированным в будущее. Именно это желание быть является в интерпретации современного марксизма основной мобилизующей силой утопии, генерирующей дальнейшие акты стремления к другому будущему».

Подводя итоги, важно подчеркнуть вклад К. Манхейма в проблему определения *социализма*, что на настоящее время, как нам кажется, не исчерпал свою актуальность, не смотря на то, что многие характеристики были успешно заимствованы другими разновидностями форм утопического мышления или же были размыты на фоне общего «полевления» политических организаций общества. На наш взгляд, анализ К. Манхейма является важным дополнением к общей проблеме изучения социализма.

Научный руководитель – канд. филос. наук, доцент Лисина Л. Г.

Возможна ли Зомби-Вселенная? К вопросу об онтологическом единстве сознания и бессознательного

Силантьев В. И.

Институт философии и права СО РАН

Согласно классическому аргументу Зомби, предложенному Д. Чалмерсом, если физикализм как подход к объяснению природы сознания истинен, то возможно существование такой Вселенной, которая была бы точной копией нашей, но с одной оговоркой. В этой гипотетической Зомби-Вселенной не существовало бы феноменального опыта.

Однако сам факт существования такой Зомби-Вселенной, согласно Чалмерсу, обнаруживает противоречивость физикалистического редукционизма. Ведь очевидно, что в нашей Вселенной сознание существует. Чем бы оно ни являлось на самом деле, онтологически самостоятельным явлением или эпифеноменом. Следовательно, в рамках физикализма феноменальный опыт не получает теоретического объяснения, и попросту игнорируется. Поэтому физикализм ложен.

Несмотря на то, что опровержение физикалистического редукционизма представляется теоретически обоснованным (поскольку физикализм не учитывает биологический аспект происхождения и функционирования разума), рассматриваемый аргумент Зомби является ложным. Существование Зомби-Вселенной противоречило бы самой природе разума, представляющего собой генетическое и функциональное единство феноменального опыта и неосознаваемых когнитивных процессов.

Чалмерс выделяет два вида ментальных явлений: феноменальное и психологическое сознание. Первое представляет собой осознаваемый опыт и является предметом “Трудной проблемы сознания”. Второе образовано множеством автоматизмов, которые являются предметом соответствующих “легких” проблем (в терминологии философа).

Из формулировки аргумента Зомби следует, что гипотетически возможна такая ситуация, при которой существует психологическое сознание и не существует феноменальное сознание. Иначе Зомби-Вселенная не была бы представима. Аргумент, таким образом, предполагает существование некоей онтологической пропасти между двумя видами ментальных явлений.

Это разделение, однако же, представляется ошибочным. С одной стороны, феноменальный опыт не может существовать вне правил его организации, которые сами не осознаются. Мы видим образ книги, на которую смотрим, но мы не можем увидеть правила, по которым строится

этот образ. С другой стороны, существование правил организации опыта, поведенческих и когнитивных автоматизмов вне всякого отношения к феноменальному опыту, представляется невозможным.

Во-первых, все автоматизмы когда-то автоматизмами не являлись и на первых порах для своего формирования требовали участия феноменального опыта. Можно предположить, вслед за К. Лоренцом, что принципы организации опыта, являющиеся априорными для индивида, были апостериорными в ходе эволюционного развития вида (к примеру, готовность младенцев к распознаванию лиц или к овладению речью).

Во-вторых, большинство более или менее сложных автоматизмов в рамках онтогенеза развиваются по тому же принципу. На первых стадиях формирования любого навыка принципиальную роль играет произвольное направление индивидом своего внимания на ту или иную область знаний или умений, являющуюся для него новой.

Это применимо и к языку. Будучи сформированным, язык, как самый сложный навык оперирования специфическими коммуникативными знаками, несомненно, определяет наше мышление, картину мира, наш феноменальный мир в целом. Однако верно и то, что в процессе развития речи ребенок прилагает массу усилий для овладения каждым новым словом.

Итак, если бы внутренний опыт являлся эпифеноменом, то Зомби-Вселенная была бы возможна. Но сознание является каузально эффективным, и феноменальный опыт вплетен в регуляцию поведения индивида, начиная с самых простых действий как в онтогенезе, так и в филогенезе. Зомби-Вселенная невозможна, что, однако, не является аргументом в пользу физикализма.

Научный руководитель – д-р филос. наук Винник Д. В.

Сообщество и дискурсы социальности

Шевцов Н. С.

Новосибирский государственный университет

Современное исследование сообщества встречает методологическую трудность: предметом что социологии, что социальной философии обычно полагается общество. Те же исследователи, которые работают над различением сообщества и общества, не в полной мере отображают специфику сообществ. Так, А. Бороноев и П. Смирнов противопоставляют общество и сообщество по разным основаниям: общество есть система субъектного типа, основанная на деятельностном взаимодействии людей, сообществу же они отказывают в активном деятельностном взаимодействии, останавливаясь на примате рече-коммуникационного[1].

Исследования сообщества и его отличий от общества возможно в рамках представления о социальности, описанной, например, у Кемерова В. Е: «Динамика, временность, субъектность социального – это его аспекты, органически связанные между собой, это – разные грани современной социальности, заставляющие переосмысливать традиционные социально-философские и методологические воззрения на общество [2]. В границах социальности и общество, и сообщество являются различающимися идеальными формами. Но остается вопрос о методологии изучения сообщества как формы социальности. Представляется продуктивным использовать различные модели социальности, предложенные К. С. Пигровым: «Социальная философия по существу представляет собой ансамбль различных моделей социального. Они могут быть в структуралистском ключе характеризованы как дискурсы, поскольку представляют собой определенную интеллектуальную практику и обнаруживают свою социальную обусловленность» [3]. В этом понимании социальной философии вопрос методологии можно переформулировать: в рамках какого дискурса плодотворнее всего рассуждать о сообществе? Ответом на него предлагаем классификацию дискурсов: «Мы берем за основу четыре модели социальной реальности: натуралистическую, реалистическую, деятельностную и феноменологическую. Принципы классификации этих четырех моделей эмпиричны» [3]. Натуралистическую и реалистическую модели можно назвать субстанциональными, так как в них нечто является изначальной причиной всех процессов общества. В таких моделях усматривается детерминизм той или иной степени строгости. Деятельностную и феноменологическую модели, в свою очередь, следует назвать моделями антисубстанциональными.

Реалистическая модель не предполагает изучения индивидов и занимается Абсолютом и его отражением в обществе; сообщество в ней, в лучшем случае, будет рассмотрено как вариация общества – возможно даже, что и с положительными коннотациями. Однако такое представление обедняет концепцию сообщества.

В рамках натуралистического дискурса сообщество рассматривается либо как нечто изначально природное, либо как результат развития согласно естественным закономерностям. В первом случае мы получаем жесткое противостояние общества и сообщества, при этом сообщество в конечном итоге должно послужить для обслуживания существования общества. Во втором случае мы должны признать сообщество этапом развития или «мутацией» – вариантом общества.

Первое прочтение сообщества через призму натуралистической модели, конечно, частично напоминает концепцию Фердинанда Тённиса, но, несмотря на употребление Тённисом слов «органическая связь» применительно к определению связанности сообществ, они не раскрываются в его тексте как что-то изначально природное. Второе прочтение сообщества достаточно распространено среди тех, кто упускает то, что «эволюционно родственные» формы должны появляться схожим образом, сохраняя значимые признаки. Выделить сходства сообщества и общества представляется практически невозможным, слишком общие получатся эпитеты.

Антисубстанциональные модели социальности представляются более подходящими для исследования сообщества, так как объясняют социальное из него самого. Определенная опасность «выпадения» сообщества из деятельностной модели может заключаться в случае перекоса интереса исследователя к какой-то стороне социальной действительности, в случае, если через один тип социальных действий объясняют все остальные. В таких случаях сообщество, если оно вообще будет представлено, рискует быть описанным однобоко, неполно и неверно. Таким образом, наиболее подходящим для исследования сообщества дискурсом социальности является феноменологический.

В качестве итога, можно утверждать, что продуктивное исследование сообщества возможно при использовании современной теории социальности и обращении к различным дискурсам социальности.

1. Бороноев А. О. Смирнов П. И. О понятиях «общество» и «социальное». Социологические исследования. 2003. № 8. С. 3–11.

2. Кемеров В. Е. Общество, социальность, полисубъектность. М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2012. С. 5.

3. Пигров К.С. Социальная философия: Учебник. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. С. 100.

Научный руководитель – канд. филос. наук, доцент Таратута В. П.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ II

УДК 378.1

Методологическое оснащение профессионального мышления как проблема модернизации высшей школы

Аверьяскина А. С.

Сибирский государственный университет путей сообщения,
г. Новосибирск

В 1950 – 60-е годы в МГУ им. М. В. Ломоносова первокурсников звали «букварями», а второкурсников – «промокашками», подчеркивая, что начинающие должны учиться специфике языка науки и философии, осваивать азы своеобразия научного и философского мышления, потом приходит время интереса к тому, чему учат, великолепно описанного в «Фаусте» Гёте, новое знание впитывается сознанием без особого выделения главного, создается первоначальный капитал, студент вживается в вуз и к третьему курсу понимает, что действительно важно.

Правильная и своевременная рекогносцировка в сложной архитектуре университетской жизни служит залогом успешной учебы и в итоге качества профессиональной подготовки. Продвижение организации профессионального образования к совершенным формам – осуществляется посредством модернизации. Та модернизация, которую придумали в 1990-е годы, – чисто политическое явление. Она только внешне связана с образованием. Чтобы нас не заподозрили в политизации проблемы отметим сразу – модернизация предполагает выявление и оптимальное вовлечение в производство резервов, разумеется, в сочетании с определенными новациями. Экономическая эффективность модернизации измеряется активизацией интереса к результату всех субъектов образовательного процесса. Интерес – это мотивация трансформации образовательного капитала в человеческий капитал. Первым делом нужно формально выстроенное образовательное пространство сделать интерактивным, превратить в благоприятную образовательную среду за счет открытости, понятности, доверительности взаимодействия в системе отношений ведущих субъектов – студента и преподавателя. Кульминационный момент здесь – сессии. Сессии – реальные «точки роста», прежде всего переводные. Оценки, свидетельствующие о готовности студента расти профессионально, культурно, должны быть прозрачнее байкальской воды, исключать предпосылки конфликтов. Именно оценки – самое слабое звено в обеспечении нашего высшего образования. Педагогическая теория, игнорируя философско-методологическое сопровождение, не смогла выстроить систему

финальных сессионных оценок, так упростив модель из 3 + (- 1 - неуд.) оценок, что они, во-первых, мало информативны, во-вторых, субъективированы. Мониторинг проблем вузовского образования подтверждает данный вывод. Последние четверть века все чаще и громче заявляют о несоответствии качества подготовки выпускников требованиям работодателей, но параллельно увеличивается количество «краснодипломников» и растет коэффициент выпуска.

Вывод: действительная модернизация должна стартовать с разработки новой системы экзаменационных оценок. В основу ее целесообразно положить либо признаки понятия, исходя из того, что понятие есть специфическая форма научных и философских знаний; либо сочетание в оценках количественной стороны и ее качественного эквивалента. Подобная практика была разработана М. В. Ломоносовым, потом в МВТУ, результаты их работ представлены в таблице.

Системы оценки знаний студентов на примере моделей
М. В. Ломоносова и МВТУ

Система М. В. Ломоносова, применявшаяся им в университетской гимназии	Система МВТУ:
В. И. С. – все исполнил с избытком; В. И. – все исполнил; З. У. Н. Т. – знал урок недостаточно твёрдо; Н. Ч. У. – не знал части урока; Н. З. – не подал задачи; Н. У. – не знал урока; Х. З. – худа задача; Ш. – шабаш.	10 – отлично; 9 – очень хорошо; 8 – хорошо; 7 – достаточно; 6 – посредственно; 5 – недостаточно; 4 – слабо; 3 – худо; 2 – очень худо; 1 – совершенное незнание.

Разумеется, в зачетке будут стоять цифры, но за этими цифрами декан и работодатель без особого напряжения определяют степень и характер готовности студента или выпускника. Для большего контраста предложения приведем некоторые зарубежные системы оценок. Они существенно разнятся с тем, что мы имеем, и считаем за нормальную практику. В Японии имеет место 100-бальная система оценки знаний студентов, которая выставляется исходя из средних результатов учащихся всей группы. Если, переводя на нашу систему оценки знаний, контрольную работу написали 3 человека на «отлично», а 20 человек на «удовлетворительно», то все учащиеся группы получают «удовлетворительно». Практика Японии показывает, что недостаточно

знать и понимать изучаемый материал, необходимо уметь взаимодействовать с социумом для достижения поставленных целей.

В Великобритании распространена не отметочная, а словесная оценка работы ученика, что позволяет дать более полную и развернутую характеристику студента. В некоторых странах нет единой системы оценки знаний, например, в Непале, законом разрешено применение любой системы оценки знаний.

Научный руководитель – канд. филос. наук, доцент Мишин Ю. Д.

Проблема определения естественной теологии в свете конфликта интерпретаций

Гизбрехт Е. С.

Томский государственный университет

Естественная теология становится актуальным вопросом эпистемологии религии, начиная с семидесятых годов XX века [1]. Во многом это связано с тем, что «способ богопознания... без апелляции к Божественному Откровению» [2. С. 35] может быть воспринят как возможность соотношения науки и религии, в том числе в фокусе рациональности.

Вместе с тем описание естественной теологии в качестве единого метода обоснования или подкрепления религиозных положений может выглядеть затруднительным: под «естественной теологией» понимаются совершенно различные эпистемические проекты [3]. Внешне они объединены стремлением не полагаться на авторитет священного, однако отрицательное определение нельзя назвать логически корректным. Этот факт обосновывает необходимость рассмотрения проблемы концептуального единства естественной теологии.

Различные типы естественной теологии могут быть выведены в фокусе ее соотносительности с откровением, причем получаемое соотношение эффективно транслируется на эпистемический статус веры (откровение) и разума (естественная теология) [2]. Поэтому для именования проектов естественной теологии будут использованы, в том числе, эпистемологические термины, применяемые в контексте вопроса об обоснованности религиозных убеждений (фидеизм, эвиденциализм).

Фидеистский (то есть основанный на познавательном превосходстве религиозных суждений) проект естественной теологии берет начало от Ансельма Кентерберийского, допускавшего отсутствие приверженности к христианству в том числе и по причине недостатка знания, что подчеркивает роль рационального обоснования существования Бога [4]. Традиция находит свое продолжение в «Сумме теологии» Фомы Аквинского: рационализованные религиозные утверждения делают предикаты Бога умопостигаемыми, но знание является вспомогательным по отношению к вере.

Противостоящий фидеизму эвиденциалистский вариант естественной теологии – наследие Просвещения [3]. Этот проект предполагает необходимость рационального доказательства богословских положений. Такое доказательство воспринимается как единственный «правомерный» богословский метод, то есть рациональное познание естественного

признается более значимым, чем внерациональное познание сверхъестественного. Эта традиция неразрывно связана с Гиффордскими лекциями: с момента их основания высказывалась идея естественной теологии как «естественной науки» [5].

Кроме того, традиции патристики и русской религиозной философии указывают на существование третьей возможности – естественного богословия, которое полагает разум и веру нераздельными [2].

Итак, фидеистская естественная теология, эвиденциалистская естественная теология и естественное богословие демонстрируют три различных способа интерпретации естественной теологии: дополнительный элемент для опыта веры, основное или единственное свидетельство о Боге и неразрывный с верой богословский метод соответственно. Эти различия определяют отражаемые в практике характеристики каждого подхода. Например, применение научных данных для обоснования истинности теологических утверждений возможно только в рамках эвиденциализма, который постулирует оправданность веры, соразмерной доказательствам. Таким образом, в фокусе метода можно говорить о «естественных теологиях».

Тем не менее, несмотря на несходные определения, нельзя отрицать основания объединения трех интерпретаций общим термином: существо любой естественной теологии – попытки рационализации религиозных положений или утверждение, что они уже рациональны. Соответственно, естественная теология может быть понята как концептуально единая методологическая установка, которая находит выражение в нескольких типах практик.

1. Новое естественное богословие / Под ред. У. Крейга, Д. Морленда. М.: Издательство ББИ, 2014. xiv + 810 с.

2. Шабатура Л. Н. Естественная теология и естественное Откровение в социально-философском дискурсе / Л. Н. Шабатура, Д. Н. Майоров // Вестник Челябинского университета. Философия, социология, культурология. 2014. Вып. 33. С. 34–39.

3. Hauerwas S. *With the Grain of the Universe, Church's Witness and Natural Theology* / S. Hauerwas. - Michigan: Baker Academic, 2013. 261 p.

4. Кентерберийский Ансельм. Сочинения / Кентерберийский Ансельм; пер., послесловие и комментарии И. В. Купреевой. М.: Канон, 1995. 400 с.

5. Lord Adam Gifford's Will [Electronic resource] / Templeton Foundation. Electronic data. West Conshohocken: Templeton Press, 1997. URL: <http://www.giffordlectures.org/lord-gifford/will> (access date: 16.02.2017).

Научный руководитель – канд. филос. наук, доцент Тарабанов Н. А.

Экспликация в социально-гуманитарном исследовании

Карян А. Г.

Сибирский государственный университет путей сообщения,
г. Новосибирск

Изучение и создание инструментов повышения достоверности результатов исследования определяют актуальность работы. Одной из часто встречающихся трудностей, с которыми сталкивается исследователь в областях социально-гуманитарного знания, является многозначность и неопределенность понятийно-категориального аппарата. Отсутствие четких смысловых границ, непрерывность процесса самоорганизации языка гуманитарных наук, его постоянная содержательная креативность, как реакция на изменчивость социальной реальности, к сожалению, часто приводят к нарушению основных законов формальной логики, а, следовательно, к логическим ошибкам и неверным выводам.

Конечно же, их допущение объяснимо разнообразными причинами. Например, сложность и непрерывная изменчивость социального мира; включенность (встроенность) исследователя в состав изучаемых объектов и, следовательно, его субъективное влияние на познавательный процесс и результаты субъектно-объектного взаимодействия; невозможность оперативного и адекватного понимания и описания новых социальных элементов, процессов, структур, систем; ограниченные возможности исследователя не всегда позволяют, четко выделить, определить и описать элементы социального объекта, что отражается на их научном понимании; влияние идеологических, пропагандистских, информационных и мировоззренческих установок, от которых зависит ученый, и которые преобладают в информационном поле. Даже этот далеко не полный перечень причин может привести к неоднозначности терминологии, подмене понятий, искажению смыслов и другим логическим ошибкам.

Каким образом их избежать в процессе научно-исследовательского поиска? Одним из эффективных инструментов, позволяющих наиболее точно ограничить содержательное пространство изучаемого объекта, является экспликация понятия.

Значение данного логического инструмента отмечены многими отечественными и зарубежными мыслителями, такими как Р. Карнап, Дж. Пассмор, В. В. Целищев, В. А. Светлов, А. А. Зиновьев. В своих работах они разработали правила и алгоритм экспликации терминологии, продемонстрировали ее возможности в мыслительной деятельности.

Экспликация представляет собой процедуру, заключающуюся в замене многозначных и неопределенных определений на дубликаты данных

языковых выражений. При этом, проводя замену, данные понятия выражаются максимально строго и однозначно, не допуская двойного толкования термина. Приняв решение о необходимости проведения экспликации, исследователь приходит к выводу о полной непригодности существующих значений терминов. Искомая операция не состоит из обработки и интерпретации циркулирующих значений терминов, ее целью является получение нового более достоверного знания об объекте, его лучшее понимание. Цель экспликации представить новый уровень понимания объекта, углубить обновить знание об объекте исследования. Определяя объект, мы проводим соответствие между – его отражением в нашем сознании; выделенным нами фрагментом бытия, который и является этим объектом в воспринимаемой нами действительности; и языковым выражением, обозначающим этот объект знаком.

В качестве примера эффективной экспликации понятия приведем работу А. А. Зиновьева «На пути к сверхобществу». Эксплицируя понятие «социальный класс» А. А. Зиновьев пришел к выводу о том, что оно обозначает социальное явление, в состав, которого включаются члены общества, занимающие сходное положение в социальной организации. Их должно быть достаточно много, чтобы они стали заметным явлением в жизни общества. Их социальная позиция должна быть признана обществом и узаконена. С помощью экспликации А. А. Зиновьев определил, что причиной разделения членов общества стало неравенство. Одной из фундаментальных акций государства является создание социальных классов. Поэтому, не государство явилось следствием разделения общества на классы, а, наоборот, возникновение государства одновременно означало установление социальных классов.

Таким образом, экспликация является эффективным инструментом исследования, который может быть использован при определении понятий, описывающих социальные объекты различной природы, вызывающие познавательный интерес у исследователей разнообразных научных дисциплин.

Научный руководитель – канд. филос. наук, доцент Лукьяненко Н. В.

Кубит, фрактал, мем в исследовании сознания

Малышев А. С.

Северный арктический федеральный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Архангельск

Современные Информационные технологии – практическое воплощение различных фундаментальных теоретических исследований. Вновь актуальным становится вопрос о структуре сознания, так как ИТ сущностно стремятся быть внешним продолжением нашего ментального мира (нейроинтерфейс как апогей этого стремления). Для проведения исследований сознания в таком контексте необходимо найти новые метафоры в отношении фундамента данной области – информации.

Понятие информации можно рассматривать в широком и узком смысле. Все физические системы хранят и обрабатывают информацию и информация как нечто субъективно имеющее ретранслируемый смысл. Информация может принимать различные формы, всегда имеет физическое воплощение, и существует до тех пор, пока имеет смысл хотя бы для одного носителя и может быть им передана в процессе коммуникации. Информация неизбежно связана с понятиями символа, языка, культуры и как следствие понятием мема.

Ричард Докинз определяет мем как минимальный элемент культуры. Минимальность определяется через устойчивость в отборе. Мем содержит объективный смысл, трактуемый в каждом отдельном носителе на основании уже имеющихся в его сознании мемов, в сеть которых (семантическое поле) он встраивается и вызывает то или иное поведение. При такой интерпретации сознание представляет собой полухаотичное нагромождение идей управляющих нашим поведением – паразитическую мематическую машину образующую симбиоз с геной машиной.

Проводя параллель с квантовой механикой, можно сказать, что мем является квантом культурной информации. Можно выдвинуть гипотезу что все мемы данные в нашем сознании представляют из себя информацию в кубитах так как имплицитно содержат собственное отрицание – онтологическое значение их может быть определено в конкретном контекстуированном высказывании. Кубиты могут быть спутаны друг с другом – как это отражается в мемах? Определяя онтологический статус отдельного мема в конкретном высказывании мы определяем онтологический статус всех спутанных с ним мемов в данном контексте. В ином случае мы пришли бы к логическим противоречиям и как следствие к утрате смысла. Естественно, смысловое богатство семантического поля приводит к тому, что один и тот же мем может

принимать несколько смысловых значений и в чистом виде представляет некоторое подобие волновой функции содержащей все эти смыслы одновременно, принимая конкретное значение лишь в момент творческого вызова в контексте отдельного высказывания.

Фрактальность мемов заключается в общности их логической структуры. Каждый мем имманентно содержит не только собственное отрицание, но и значения всех спутанных с ним мемов. Самореференция мемов приводит к противоречию и всегда отсылает к нему более высокого или более низкого порядка. В этом заключается симулятивная природа мемов. Фактическое соединение всех мемов в единое семантическое поле привело бы к актуальной бесконечности смысловых значений — мультиверсу всех возможных представлений, паттернов, всех возможных миров. Но такое соединение возможно лишь на базе интеллектуальной машины.

Подобный подход к определению культурного репликатора позволяет включить его в исследование сознания и мозга. Уже составлена семантическая карта мозга, следующим логическим шагом может быть переход на более высокий уровень и составление такой карты для мемов. Изучение того как наш мозг оперирует конкретными идеями и их комплексами, на наш взгляд может пролить куда больше света на темный вопрос о структуре и принципах работы нашего сознания. Практической сферой изучения данных принципов, при таком подходе могут стать исследования связанные с сильным ИИ, как исследований нового возможного симбиоза мематической и интеллектуальной машин.

Научный руководитель – д-р филос. наук, проф. Опёнков М. Ю.

Врачебный аспект в философии экзистенциализма

Ситников Р. В.

Новосибирский государственный медицинский университет

Экзистенциализм – философское направление, в рамках которого рассматриваются особые, так называемые экзистенциальные проблемы, определяющие существование человека. В центре этих проблем – конечность человеческого существа, смысл или бессмысленность жизни человека, страх и попытки его преодоления, отчуждение от окружающего мира и других людей, свобода, которая воспринимается как бремя, поскольку в ее основе – одиночество человека и ответственность, как необходимое следствие свободы.

Экзистенциальные проблемы беспокоили человека задолго до начала XX века, когда сформировалась философия экзистенциализма. Отдельные мотивы можно проследить уже у античных мыслителей – в философии киников, Эпикура и особенно стоиков. Например, Эпикур не только полагал необходимым условием счастливой жизни избавление от страха смерти, но и аргументировал перед слушателями собственную позицию, утверждая невозможность встречи человека и смерти: пока человек живет, смерти нет, а когда смерть приходит – уже нет человека. Боязнь умереть тревожит и обычных людей: несмотря на рутину повседневной жизни, каждый человек рано или поздно задумывается о смерти и смысле своего существования. Тем не менее, люди в обыденной жизни часто не ощущают ее ограниченности. Возможно, заботясь о душевном покое человека, природа подарила ему иллюзию бессмертия. Суть этого явления состоит в неопределенности окончания человеческой жизни. Неслучайно древние римляне призывали людей помнить о смерти: неизвестность последней даты позволяет людям забывать о неотвратимости конца, и жить так, как будто жизнь никогда не закончится. Но каждый человек однажды оказывается перед экзистенциальным выбором. Это выбор, возникающий в критической ситуации, и прежде всего – в ситуации жизни и смерти, когда приходит осознание кратковременности и хрупкости собственного существования и неотвратимой близости своего конца. Самым распространенным, хотя и частным, случаем является тяжелая болезнь человека. В современной литературе экзистенциальные состояния, связанные с болезнью человека, описываются преимущественно применительно к больным. Существует множество исследований, посвященных различным аспектам мировосприятия тяжело и безнадежно больных людей. При этом внутреннее состояние врача остается за пределами философских размышлений. Поэтому цель этой небольшой

работы – рассмотреть фигуру врача, пытающегося спасти человека, как субъекта экзистенциальных переживаний.

Французский историк Филипп Арьес в своем знаменитом труде «Человек перед лицом смерти» обозначил пять этапов отношения человека к смерти. Последний, пятый этап, сформировавшийся, по его мнению, в XX веке он называет «перевернутой смертью». От всех предыдущих этот этап отличается «медикализацией» – умирание человека, переход его в «мир иной» становится делом почти исключительно врачей. Человек ныне чаще всего умирает в больнице, и смерть его представляет собой пролонгированный во времени процесс. Более того, успехи современной медицины дают врачам возможность в определенной мере управлять этим процессом, например, «вернув» его из состояния клинической смерти или же, напротив, отключив от жизнеобеспечивающей аппаратуры. Таким образом, теперь зачастую именно врач, а не родные и близкие, сопровождает больного человека на всем пути его заболевания, от объявления диагноза до выздоровления или смерти.

Пациентом врача всегда является болеющий и страдающий человек. Этот непреложный факт делает врача необходимым участником экзистенциальных взаимоотношений между больным и его пониманием смерти и жизни.

Существует множество нравственных коллизий, неминуемо возникающих в отношениях врача и пациента и особенно обостряющихся в тех случаях, когда состояние пациента безнадежно. Именно поэтому врачу необходимо вступить с пациентом не только в профессиональный, но и нравственный контакт, выбирая наилучшее в данной ситуации решение и оптимальный подход к пациенту и помогая ему выработать собственное отношение к происходящему. Но для этого врач должен быть способен сам взять на себя труд осознать смысл жизни и смерти. Однако этот духовный труд в дополнение к профессиональной деятельности часто оказывается непосильным для врача и способен привести к двум крайностям – либо к преждевременной смерти самого врача, либо к тому, что обычно называется профессиональным выгоранием, и что, по сути, является для врача одновременно самозащитой и условием успешного выполнения непосредственных обязанностей.

В заключение следует сказать, что, согласно статистике, наиболее рано умирают врачи скорой помощи, онкологи, кардиологи, реаниматологи – словом те, от которых непосредственно зависит жизнь и смерть человека. Отсюда с очевидностью следует, что, по крайней мере представители этих специальностей уже ответили на собственные экзистенциальные вопросы, пожертвовав свои жизни не только ради спасения пациентов, но сопровождая их до самого конца.

Научный руководитель – канд. филос. наук, доцент Софиенко М. Б.

Троллинг как отражение кризиса приватного в виртуальном пространстве

Соболев Н. В.

Новосибирский государственный технический университет

Современное виртуальное пространство невозможно представить без таких вещей, как троллинг и тролли, которые им занимаются. С проявлениями троллинга сталкивается каждый человек, который пользуется Интернетом и различными интернет-ресурсами.

В скандинавской мифологии, где впервые упоминаются тролли, они описываются как горные духи, ассоциируемые с камнем. В свою очередь, термин «троллинг» появился в рыболовстве и описывает метод ловли рыбы с движущегося плавсредства. Впервые троллинг в интернет-контексте упоминается в 1992 г. в «Оксфордском словаре английского языка», а сам троллинг впервые появился в начале 90-х г. XX в. в компьютерной сети Usenet, где некоторые бывалые пользователи сети шутили над новыми пользователями, оставляя несерьезные комментарии под их вопросами.

Несмотря на то, что троллинг как общественный феномен стал изучаться лишь сравнительно недавно, он существует уже достаточно долго. Прежде всего, данный феномен связан с трудами Сократа. Так, Encyclopedia Dramatica описывает Сократа как «знаменитого греческого IRL-тролля еще до этих ваших интернетов». Это связано с использованием им иронии и майевтики как средства достижения истины и знаний, а также созданием парадоксальных высказываний, которые противоречат здравому смыслу. Однако самым «знатным троллем древности» можно назвать Диогена Синопского. Его поведение и стиль жизни не только отражали его философию, но и эпатажили всех находящихся рядом людей, взбудораживая их мышление.

Изучение свыше 4,5 тысяч профилей в социальной сети Facebook, проведенное исследователями А. Агостини и Р. Гросс, выявило существование такого явления как «парадокс приватности», которое заключается в том, что пользователи не только выкладывают в сеть информацию о себе, но и снижают требования к приватности собственной страницы ради возможности коммуникации с другими пользователями. Этой возможностью пользуются и тролли, используя информацию о пользователе в своей деятельности. При этом с юридической точки зрения обвинения в адрес троллей в том, что они публикуют информацию о человеке в чате внутри той же социальной сети, безосновательны, так как пользователь самовольно придал огласке информацию о себе и, тем

самым, тролль написал лишь то, что изначально было доступно всем пользователям сети.

Существование троллинга как социального феномена чаще всего связывают с тем, что тот, кого называют троллем, имеет определенные проблемы психологического характера (желание привлечь к себе внимание, желание развлечь себя за счет вызова у других негативных эмоций и т. д.). Однако в своих работах Анаксагор утверждал, что ничто не возникает из небытия. Как следствие, автор предполагает, что троллинг имеет социальную природу, а тролли имеют важное социальное значение для общества.

Многие люди описывают троллинг исключительно в негативном контексте, выделяя лишь его отрицательное влияние на пользователей и виртуальное сообщество в целом (появление стрессов и нервозности у пользователей, «захламление» информационного пространства, падение морально-нравственного «облика» сообщества и т.). Однако, целью троллинга является, прежде всего, не оскорбление людей и провоцирование различных ситуаций негативного характера, а обращение внимания общества на имеющиеся социальные проблемы, а также их высмеивание и обличение.

В своих работах Г. Спенсер сравнивал общество с биологическим организмом, в котором есть различные функциональные системы (кровеносная, дыхательная, нервная и т. д.). Среди прочих функциональных систем всякий организм для своего нормально функционирования и развития имеет и иммунную систему, которая необходима не только для защиты организма от негативных факторов внешней среды, но и для контроля и поддержки организма изнутри. Именно функцию иммунной системы виртуального сообщества и выполняют тролли. Фактически, троллинг является ответной реакцией в отношении тех пользователей, которые не соблюдают сложившиеся в сообществе нормы и правила поведения.

Само существование троллинга в виртуальном пространстве дает понять пользователям то, что они там не одиноки, и они не могут делать там все, что они захотят. Все, что выложил пользователь в виртуальное пространство, другие пользователи могут не только увидеть, но также и оценить и прокомментировать. Как следствие, при совершении тех или иных действий в виртуальном пространстве пользователи должны ориентироваться не только на себя и свои желания и потребности, но и на других людей.

Научный руководитель – канд. филос. наук, доцент Моргунов Г. В.

Классический университет: специфика развития

Уколов С. С.

Новосибирский государственный университет

Актуальность темы исследования обусловлена интенсивным развитием новых технологий, совершенствование и развитие которых требует соответствующей численности высококвалифицированного персонала, наличие которого может обеспечить только система образования, соответствующая запросам общества.

Проблему, представленную в докладе, можно обозначить следующим образом: с одной стороны, существует динамично меняющееся общество, а с другой – куда более инертный институт образования, который зачастую не в состоянии адекватно отвечать на современные запросы социума.

В настоящее время в России, как и во всем мире, закладываются предпосылки и создаются условия для формирования общества, основанного на технологиях и на знании. Понятие «общество знания» имеет относительно небольшую историю, впервые сам термин был введен в научный оборот в 1966 г. политологом Р. Лэйном, а основу концепции составили исследования американского учёного П. Дракера. Позднее, американский социолог Д. Белл в своих публикациях использует термин «общество знаний» в качестве характеристики постиндустриального общества. Для общества знания подразумевается значимость научного и научно-технического знания во всех социальных сферах. Информация в обществе знаний приобретает статус важнейшего ресурса, однако, информация – это лишь инструмент знания, сама по себе она им не является. Поэтому важное значение приобретают способность ориентироваться в неисчерпаемом потоке информации, когнитивные способности, критическое мышление, позволяющее индивиду отличать полезную информацию от бесполезной. Ключевой ценностью общества знания становится образование, а главной задачей института образования – научить индивида не только получать нужное знание, применять и использовать его, но и продуцировать новое знание.

Университет, имея давнюю историю, занимает особое место в системе образования. Как известно, первые университеты появились еще в Средневековье. Тогда же сложилось понимание университета, как фундаментальной автономной организации, производящей универсальное знание. В университетах не только вырабатывался особый научный дискурс, но и формировался особый университетский образ жизни. Университетская культура воспитывала специалиста, который являлся активным субъектом культуры. Позднее были заложены другие основные

принципы университета, такие, как сочетание естественнонаучной, социально-экономической и гуманитарной подготовки.

Новым этапом в развитии университета стало появление гумбольдтовской модели взаимодействия науки и образования в начале XIX в. Гумбольдтовский университет был провозглашен как исследовательский университет, где научная и учебная сферы деятельности рассматривались как взаимосвязанные компоненты. Особое внимание Гумбольдт уделял идее университетской автономии, которая приняла у него новое звучание, обрела аргументацию, связанную с проблемой социального статуса науки. По мнению Гумбольдта, наука может и должна быть институционализована через автономию университетского сообщества. Чтобы защитить науку от церкви, государства и общества (которое ориентировано, как правило, только на практическую пользу), необходимо обеспечить автономию (свободу) университету в целом. Эти идеи и принципы определили облик современного классического университета.

Современная отечественная система образования переживает жесточайший кризис, который усугубляется системным кризисом российского общества, перешедшим на рубеже веков к новой системе ценностей информационной цивилизации, когда знание и информация становятся товаром, а образование переходит в разряд услуг. Под влиянием глобализации в современных социокультурных условиях сложилась такая ситуация, когда массовость и доступность высшего образования в России превратили университет в «кузницу кадров» и способ заработка.

Коммерциализация университетского образования в России, вызванная объективными причинами, принципиально меняет его ценностные ориентиры: вместо того чтобы использовать все ресурсы для обеспечения максимально высокого качественного уровня образования, намечается тенденция к внедрению «коротких программ» и образовательных курсов, позволяющих снижать расходы на обучение и привлекать дополнительное финансирование.

Если не удастся преодолеть такие негативные тенденции, то дальнейшая коммерциализация может привести не только к неминуемому снижению качества высшего образования, но и к невозможности достижения университетом своей основной цели – формированию гражданина в обществе знаний, что, в свою очередь, способно вызвать разрушение и классического университета, и всей системы образования в целом.

Научный руководитель – канд. филос. наук, доцент Петров В. В.

Онтологические предпосылки развития экстремизма в условиях толерантности

Филатова В. М.

Новосибирский государственный университет

Современное общество претерпевает изменения, затрагивающие весь системный фундамент: от производственных отношений и технологического уклада до политических, духовных и культурных основ. В процессе развития современного общества происходит изменение критериев нравственных и социальных ценностей. В частности, все более значительные по объему масштабы занимает феномен толерантности. И на данный момент, процесс возрастания степени толерантности в современном обществе в целом получает положительную оценку. На первый взгляд это не вызывает никакого противоречия.

Однако процесс углубления в значение термина «толерантность» дает понять, что она не является абсолютно ясным, однозначным и исключительно положительным феноменом. Перед нами встает проблема определения границ существования толерантности в современном обществе вплоть до ее влияния на возникновение экстремизма.

Термин «толерантность» происходит от латинского «tolerantia», что в переводе означает «терпение», «принятие», «добровольное перенесение страданий». Данный термин первоначально использовался в естественных науках, где и приобрел множество различных оттенков истолкования. Толерантность химических веществ означает неспособность вступать в реакцию, по сути, способность «игнорировать». В медицине толерантность обозначает либо невосприимчивость к определенному веществу, либо привыкание, при котором следующая доза необходимо должна превышать предыдущую для достижения того же эффекта. Иммунологическая толерантность, например, – это неспособность синтезировать антитела; процесс, при котором чужеродный антиген воспринимается организмом, как собственный. В философском осмыслении в области применения к социальным наукам и обществу в целом, толерантность также имеет множество различных определений. Зачастую под толерантностью подразумевают всего лишь терпимость, но рассматриваемое явление носит намного более глубокий и многогранный характер.

На наш взгляд, толерантность существует вовне лишь как характеристика поведения отдельного индивида, при этом не могут быть оценены и измерены толерантностью внутренние побуждения и мотивы. Соответственно, это внешнее поведенческое проявление в процессе нарастания некомфортных внешних условий может привести к

разрушению общества изнутри, по аналогии с иммунологической толерантностью, где организм либо терпит и принимает чужеродный орган, либо начинает бороться с собственными тканями, что приводит к его гибели. Таким образом, существуют такие области, где для толерантности вовсе нет места; такие ситуации, из которых невозможно выйти, «толерантно» их проигнорировав.

В большинстве случаев в противоположность толерантности употребляют термин «экстремизм» (от лат. «extremus» – крайний). Однако экстремизм как таковой не представляет собой единой системы взглядов. Так, имеются определения экстремизма, выработанные как на национальном, так и на международном уровне. Например, в рамках Шанхайской конвенции (Шанхай, 15 июня 2001 г.) под экстремизмом понимается какое-либо деяние, «направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований и участие в них».

Тем не менее, несмотря на то, что изначально термин предназначался для характеристики политических сил, выступающих в качестве оппозиции существующему строю и использующих преимущественно нелегитимные методы, в настоящее время проявления экстремизма можно встретить во многих других сферах жизни общества. В философском словаре экстремизму дается следующая оценка: «стремление идти до конца в заданном направлении, забывая о том, что и в других направлениях может быть законный интерес или смысл». Тут же можно найти утверждение о том, что хорошие мысли рождаются только в крайностях, а хорошая жизнь возможна только между ними.

Поэтому в современном обществе следует трактовать толерантность как, в первую очередь, понимание (благодаря которому появляется возможность примирения с мировоззрением, убеждениями, образом жизни другого); как только шаг в сторону от экстремистских взглядов, категоричности суждений и стремления разделить все на черное и белое, а всех на «своих» и «чужих».

В отличие от качеств, внутренне присущих личности, толерантность как регулятор внешнего поведения имеет меру, границы и определенный предел, до которого можно «терпеть» или «понимать» что-либо. Таким образом, если имеет место процесс перешагивания определенной границы терпения, то толерантные взгляды могут уступить место экстремистским проявлениям, агрессии и неприятию, желанию защитить свою самость и свободу. Соответственно, один из путей развития экстремизма может проистекать из феномена толерантности.

Научный руководитель – канд. филос. наук, доцент Петров В. В.

Женская мистическая литература средневековья как опыт осмысления мира

Филимонов В. Ю.

Новосибирский государственный университет

Представление о мировоззрении средневекового человека во многом основано на различного рода теолого-философских трактатах, написанных образованными мужчинами для образованных же мужчин. В свете этого особо интересно обратить внимание на тех, кто зачастую отгесняется в исторических исследованиях в тень – женщин.

В силу скудости источников, мы едва способны произвести историческую реконструкцию женского рефлексивного опыта как женского. И именно здесь неоценимым подспорьем выступает женская мистика: особый, довольно популярный в средние века род литературы.

Эмми Голливуд отмечает, что описываемое в XIX веке как истерия, в XIII однозначно было бы названо либо божественным, либо дьявольским. После раскрытия изначально сексистской природы этого диагноза стало возможным заявить, что и в мистической средневековой литературе находила выход подавленная патриархатным обществом женская сексуальность. Таким образом, женский мистицизм может служить выражением не просто переживаний образованных представителей духовенства женского пола, а женского опыта в условиях средних веков вообще. Близость к священному, согласно Ю. Кристевой, лишь доводит до своего наиболее яркого воплощения образы традиционно связываемого с женским и материнским «отвратительного». Близостью к этому отвратительному, как чистой беспредметности, преследующей нас в мире символического, возможно и стоит объяснять тот толчок в философском творчестве, который женские мистики дали мыслителям-мужчинам в дальнейшем. Вместо следования схоластической мейнстрим-канве, визионерки могли в своей близости к этой беспредметности позволить себе передать бесценный опыт этого состояния балансирования на границе, так важный для всякого рода деятельности по созданию качества, действительно нового. Эта особенность ярко выделяется на контрасте с мистиками-мужчинами.

Визионерки использовали особый язык – это язык, в первую очередь, Священного Писания, особенно Песни Песней. Сквозь их труды ярко проходят традиционные образы этой книги, трактуемые мистиками порой гораздо более чувственно, в отличие от традиционной мужской теологии. Во-вторых, огромное значение для языка имеет социальное

происхождение и окружение визионерок. Здесь особо стоит выделить влияние мужчин из духовенства, окормляющих и симпатизирующих им.

Фиксирование внимания на определенных образах позволяет нам проследить их развитие через литературные труды женщин-мистиков разных веков, а именно Мехтильды Магдебургской (XIII в.) и Терезы Авильской (XVI в.). Это дает нам возможность сделать попытку выявить женское в его историческом развитии в рамках взятого временного промежутка.

Образ женского, описываемый Мехтильдой Магдебургской, носит универсальный характер. Так, отношения любой души с Богом, в том числе и мужской, описываются как любовные. Страшный суд – брачная вечеря. Грехопадения – измена. Женский опыт (по крайней мере, на мировоззренческом уровне) здесь обладает самостоятельной субъективностью, а не является дополнением мужского. Четко прослеживается дуализм души и тела, что также не может не подтолкнуть нас в сторону вышеописанного тезиса.

Характер женского в произведениях Терезы Авильской предстает нам совершенно иным. Мы не найдем здесь такого бичевания плоти, наоборот, плоть, по выражению Д. Мережковского, «освящается». Язык Терезы богат чувственными в самом плотском смысле образами, вследствие чего у визионерки зачастую были проблемы с инквизицией. Также мистический опыт начинает гораздо более походить на знакомые нам истерико-эпилептические припадки.

Таким образом, на примере рассмотренных визионерок можно проследить эволюцию женского в ходе взятого нами исторического промежутка в сторону роста роли телесности, потери самостоятельной женской субъективности.

Научный руководитель – канд. филос. наук, доцент Барчунова Т. В.

Судейское усмотрение и проблема определения границ его применения в аналитической философии права

Чеховская К. И.

Новосибирский государственный университет

Несмотря на постоянное совершенствование права, законодатель в виду образования всё новых общественных отношений, не имеет возможности отобразить все возможные ситуации и возможные варианты их решения в законе. В некоторых сложных случаях, даже при условии соблюдения всех норм и правил, суд не в состоянии с полной достоверностью установить норму, необходимую для применения. Но, поскольку суд – инстанция, которая обязана принять решение, для судьи открывается простор для применения судейского усмотрения.

Актуальность темы объясняется особым местом судейского усмотрения в судебной системе любого государства. До сих пор нет однозначного ответа на вопрос, как судьи должны использовать имеющуюся у них свободу в принятии решений с целью недопущения злоупотребления ею.

В настоящее время российской судебной системе не хватает предсказуемых судебных решений, которые породили бы большее общественное доверие к правосудию. Кроме этого, судебная власть должна иметь авторитет для повышения правовой культуры населения и возвращения престижа праву в целом. В эпоху правового и нравственного нигилизма сделать это особенно трудно, но в долгосрочной перспективе, думается, возможны некоторые положительные сдвиги. Например, большая информационная открытость судебной власти, повышение компетентности судей, стремление судебной практики к единообразию – всё это способствует укреплению доверия к судебной власти, улучшению ее имиджа.

Целью данной работы является углублённое изучение института усмотрения судьи, направленное на выявление проблем и последствий, возникающих в связи с применением судом судейского усмотрения.

Автором рассмотрены и проанализированы точки зрения на проблему судебного усмотрения знаменитых философов права, в том числе Г. Харта, Р. Дворкина, Дж. Раца и др.

На основании проведенного анализа автором выявлены следующие основные проблемы:

1) В законе часто **не раскрывается содержание некоторых принципов права**, нет детального описания нормы, подлежащей применению. В данной ситуации у судов возникает сложность с определением пределов судебного усмотрения. Таким образом, суду

надлежит самостоятельно определять содержание принципа права, опираясь на содержание общего смысла закона, и на основе этого очерчивать границы своего усмотрения.

2) **Неопределенность языка.** Применение правовых норм иногда неопределенно, поскольку в самом языке допускаются размытые формулировки. Соответственно, неясность терминов может оставить юридический смысл правовых положений неопределенным. Аргумент Р. Дворкина о том, что любая неопределенность может быть преодолена с помощью правовых презумпций, опровергается Дж. Рацом, который, в свою очередь, подчеркнул, что проблема неопределенности не может быть так легко решена, поскольку неопределенность не всегда устраняется в результате применения или неприменения какой-либо нормы, а проблема может возникнуть в силу того, что формулировка нормы может быть размытой, и разные судьи могут трактовать ее по-разному. Таким образом, норма будет применена, основываясь только на внутреннем убеждении судьи, поэтому простая презумпция не будет создавать определенности во всех случаях.

Дискуссии Харта, Дворкина и Раца иллюстрируют основную структуру проблемы. Лингвистический смысл может быть определенным или неопределенным, но трактовка и понимание нормы судьей может изменить первоначальное лингвистическое значение нормы, что создает определенную проблему в области применения права судьей.

3) **Решение (усмотрение) не застраховано от содержащейся в нем юридической ошибки.** Тот факт, что судьи в силу своей некомпетентности или других причин могут принимать решения, которые являются юридически неправильными и неверными, создает большое общественное недоверие к системе правосудия. Конечно, такие «неправильные» решения могут быть отменены судом высшей инстанции, однако они так же могут вступить в силу и стать частью устоявшегося права системы. Таким образом, суды одновременно и создают право (т.к. суд авторитетный источник) и не создают, поскольку решение противоречит действующим нормам, а также потому, что существует вероятность того, что ошибка будет исправлена вышестоящим судом.

В связи с тем, что удовлетворительного научного осмысления проблемы судейского усмотрения в настоящий момент нет, а проведение судебной реформы и обновление законодательства не только не сняло, а только усилило актуальность исследуемого вопроса, автором выявляются причины несовершенного функционирования института судебного усмотрения и судебной системы в целом, а также предлагаются возможные варианты решения поставленных проблем с целью лучшего функционирования института усмотрения судьи для вынесения более справедливых и нравственно наполненных решений.

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Дидикин А. Б.

Феномен псевдорационализма в контексте индустрии массового сознания

Шакир Р. А.

Красноярский государственный аграрный университет

Просвещенческие идеалы, взращенные на классическом типе рациональности, с момента своего формирования становились ключевым фактором образования особой мировоззренческой системы, определившей интенциональность развития европейской мысли на столетия вперед. Такое мировоззрение смогло даже выйти за пределы области познания и научного сообщества, тем самым став частью европейской культуры, во многие из частей которой оно пустило глубокие корни. Подобное проникновение, подчас недоступное для поверхностного наблюдения, обнаружило себя не только на страницах художественных произведений, но также смогло тесно переплестись с общесоциальными представлениями об успешности людей, для которых примат разума над всем остальным стал образом жизни и сакральной возможностью в самореализации. Принцип разумной целесообразности пропитал и затронул все аспекты человеческой жизнедеятельности Европы образца XVII–XIX вв., образуя единую логоцентрическую систему, ставшую воплощением идеи упорядоченности.

«Долой суеверия, как пережитки прошло»; «стремись к большему, ведь разуму открыты все тайны мироздания»; «молись и работай» – подобные общественные умонастроения, встречающиеся как в пределах Западной Европы, так и на берегах Нового Света, путем длительных интеллектуальных трансформаций, легли в основу таких фундаментальных систем мировоззрения как прагматизм, позитивизм и т.д. Еще раньше такое умозрение повлияло и на Реформацию, итогом которой стало появление протестантизма, как естественной реакции на неудовлетворение потребностей актов вопрошания доминирующими системами.

Со временем просвещенческие идеалы продолжали движение вверх, к структурному усложнению, но вместе с тем параллельно развивалась и другая линия, которую Петер Слотердаик назовет «шизологикой», а Мишель Фуко «латентной логофобией». Дело в том, что феномен логоцентризма, основываясь на классическом типе рациональности и просвещенческих идеалах, с точки зрения постмодернистского типа философствования становится самым знаковым символом западной культурной системы. В данном аспекте феномен логоса воплощает в себе

основополагающие интенции европейской самости, выражающейся в актуализации культурных доминант, относящихся к модусам формализованно-мускулиного и повелительно-деспотического начала, что становится одним из объектов критики Жака Деррида. Французским философом, аксиологическая составляющая, плавно переходящая в знаковую часть, обозначается в качестве «империализма Логоса», любая часть фалло-тео-онто-проявлений которого должна подвергаться рефлексивному переосмыслению, поскольку, по мнению Юлии Кристевой, логоцентризм как основная структура западной самости, в своей основе постулирует тотальный запрет на возможность свободной формы ассоциативного мышления.

«Империализм логоса» ведет к тотальному подчинению мысли бинарной системе умозаключений, в которой отсутствуют любые намеки на градации, из-за чего из «предвестника свободного мышления», который должен был прийти на смену теологического дискурса средневековья, логоцентризм сам трансформируется в догматическую структуру, только уже светского характера. Довлеющая логоцентрическая традиция в макро-аспекте основывается на предположении о наличии универсальных закономерностей в структуре мироздания, осознание которых раскрывается в концепции линейного детерминизма. Мишель Фуко усматривал за такой попыткой рассмотрения социокультурного бытия более глубокие мотивы, выражающиеся в подлинном страхе потери контроля над происходящим, за которым скрывается непредсказуемость дискурсивных возможностей.

Другим аспектом развития логоцентризма становится, вызванное политизацией мышления тотальное разочарование во всем, что раньше имело хоть какое-то значение. Это крах любых идеалов, а также боязнь будущего, с которым у людей уже не встречается светлых ассоциаций. В этом будущем нет места надежде, так как искалеченный самим же собой разум больше не может вынести тяжесть знания, которое он же построил и раньше любил.

Ответной реакцией на «империализм логоса» становится некоторое упование на иррационалистические интеллектуальные интенции (философские системы Шопенгауэра, Ницше, Шпенглера и прочих мыслителей), делающие шаг в сторону от примата разума и его безусловной роли в постижении мира. Альтернативой иррационализму становится феномен псевдорационализма, понимаемый не в качестве методологической ошибки, а как особый суррогат рациональности, ее искаженное подобие. Псевдорациональность является особым социально-психологическим качеством, напрямую связанным с идеей цинического субъекта Слотердайка, поскольку из него и пристекает.

Но что означает состояние цинического субъекта или «ложного просвещенного разума» и в чем оно выражается? Все начинается с внутренней перестройки сознательного пространства человеческого «Я», в пределах которого образуется «цинический вектор», в дальнейшем вступающий в противоречие с противоположным психологическим вектором, определяющим актуальное состояние нашей личности. Это противоречие оканчивается либо перестройкой сознательного пространства, либо осуществлением обратного перехода в исходное состояние нашего «Я».

Феномен псевдорационализма обнаруживается только в первом случае и проявляется в полуавтоматических актах ведения субъектом фрагментарного существования, когда внутри личности будут отсутствовать какие-либо стремления к действиям. Также наблюдается снижение эмпатической способности и почти полное безразличие к окружающей субъекта действительности. Другими словами, псевдорациональность, как проявление цинизма, выступающего в качестве элемента механизмов психологической защиты личности, будет ответственна за инертное существование, которое основывается на данных опыта и памяти, сформированных в предшествующем состоянии «Я».

В заключении остается добавить, что цинический субъект, представленный в качестве структуры, форма которой идентична прошлому состоянию личности, а содержание деформировано до нежизнеспособного состояния, под влиянием псевдорационализма как поведенческой модели замещения рассудочной деятельности, без своевременного вмешательства со стороны, становится источником серьёзных социально-психологических проблем. По этой причине данную проблематику необходимо изучать в двух взаимосвязанных аспектах – индивидуально-психологическом и макро социологическом, так как цинические умонастроения, как источник различных форм цинизма, обладают способностью двунаправленного перехода с одного уровня на другой, подвергаясь неизбежному структурному усложнению.

Научный руководитель – д-р филос. наук, проф. Круглова И. Н.

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аверьяскина А. С.	55	Силантьев В. И.	51
Акимова Н. Н.	21	Синюкова Н. А.	29
Баранов Е. А.	23	Ситников Р. В.	64
Баширова Т. А.	37	Соболев Н. В.	66
Бобров Р. С.	39	Стафеева Е. С.	31
Верпета В. В.	41	Суворкина Т. М.	13
Гизбрехт Е. С.	58	Судакова Н. М.	15
Гурский Н. М.	43	Сулаев А. А.	33
Евдокимова К. Н.	5	Тарасенко Э. В.	35
Егорова О. С.	7	Уколов С. С.	68
Карян А. Г.	45, 60	Филатова В. М.	70
Кузнецова И. С.	25	Филимонов В. Ю.	72
Малышев А. С.	62	Хлыновская С. А.	17
Мельникова М. А.	47	Цидзеневский А. С.	19
Миловзорова В. А.	27	Чеховская К. И.	74
Никишаева И. О.	9	Шакир Р. А.	76
Панасенко М. Ю.	11	Шевцов Н. С.	53
Потылицын М. Д.	49		

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ	5
Евдокимова К. Н.	5
Егорова О. С.	7
Никишаева И. О.	9
Панасенко М. Ю.	11
Суворкина Т. М.	13
Судакова Н. М.	15
Хлыновская С. А.	17
Цидзеневский А. С.	19
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ	21
Акимова Н. Н.	21
Баранов Е. А.	23
Кузнецова И. С.	25
Миловзорова В. А.	27
Синюкова Н. А.	29
Стафеева Е. С.	31
Сулаев А. А.	33
Тарасенко Э. В.	35
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ I.....	37
Баширова Т. А.	37
Бобров Р. С.	39
Верпета В. В.	41
Гурский Н. М.	43
Карян А. Г.	45

Мельникова М. А.....	47
Потылицын М. Д.....	49
Силантьев В. И.....	51
Шевцов Н. С.....	53
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ II	55
Аверьяскина А. С.....	55
Гизбрехт Е. С.	58
Карян А. Г.....	60
Мальшев А. С.....	62
Ситников Р. В.....	64
Соболев Н. В.	66
Уколов С. С.	68
Филатова В. М.....	70
Филимонов В. Ю.	72
Чеховская К. И.	74
Шакир Р. А.	76
АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	79
СОДЕРЖАНИЕ	80

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ
55-Й МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
СТУДЕНЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

МНСК–2017

ФИЛОСОФИЯ

Материалы конференции публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 31.03.2017 г. Формат 60x84/16

Уч.-изд. л. 5,1. Усл. печ. л. 4,7.

Тираж 100 экз. Заказ № 51.

Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2